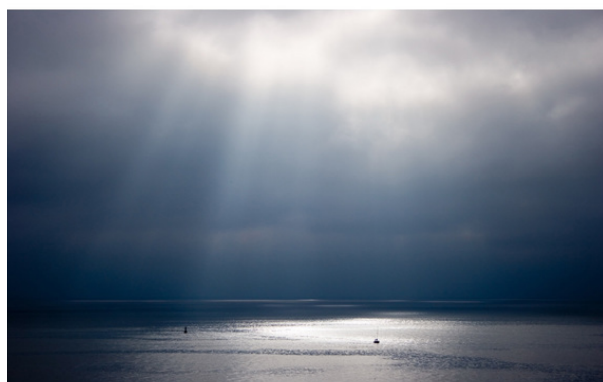

**Дмитрий Савельев
Елена Кочергина**

**СВЕТ
ЗА ОБЛАКАМИ**

Дмитрий Савельев

Свет за облаками (сборник)

«Автор»

2014

Савельев Д. С.

Свет за облаками (сборник) / Д. С. Савельев — «Автор», 2014

ISBN 978-5-8853-3634-5

Что вы знаете о летающих свиньях? О мышах, которые командуют кошками, собаками и соколами, а те покорно их слушаются? О жителях свинофермы, которые превращаются в кабанов и сбегают к Хозяину Леса? Хотите очутиться в мире, жители которого никогда не видели солнца? В пещере, где земляные черви думают, что они люди? В мрачном хлеву или подzemелье, напоминающем благоустроенный ад? А потом познакомиться с Духряком, узреть путь наверх, выбраться из пещеры на свет, увидеть искрящееся светило, найти своих Настоящих Родителей? Тогда дерзайте! Разрывайте пелену будней и отправляйтесь вместе с персонажами этой книги в самое удивительное из всех приключений, которые только возможны на земле – в путь к своему Небесному Отечеству!

ISBN 978-5-8853-3634-5

© Савельев Д. С., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Свет за облаками	5
Предисловие	5
Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвёртая	23
Глава пятая	29
Глава шестая	35
Глава седьмая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий Сергеевич Савельев, Елена Михайловна Кочергина

Свет за облаками

Свет за облаками

Предисловие

«Все жанры хороши, кроме скучного» – известное выражение А.С. Пушкина, относящееся к произведению любого из жанров. Думаю, повесть «Свет за облаками» порадует читателя своей нескучностью. Это повесть о любви. А основное достоинство её в том, что она написана с завидной любовью. Потому и нет места на её страницах для скуки.

Фэнтези ли это? Или повесть-сказка? На эти вопросы ответить сложно. Вплоть до того, что в повести присутствуют элементы реализма. Поэтому жанр в данном случае трудно определим. И как в сказке сюжет повести балансирует на тонкой грани между реальным и ирреальным. Так и кажется, что авторы используют мотив библейского сюжета об Адаме и Еве, об их первородном грехе. Романтика чистой внеземной любви героев опрощается, когда они вкушают запретные плоды. Они не перестают любить друг друга, но уже любовь их делается обыкновенной, земной.

Повесть в меру начинена красотами природы. Эти красоты сопровождают героев по всей их жизни, начиная от их юности, отрочества. Не меньшим достоинством является не назидательная афористичность, умело вставленная, вплетённая в текст, что даёт повести философскую направленность.

Исходя из всего сказанного выше, поздравляю авторов с удачей, а читателей – с нескучно проведённым временем за чтением повести.

Виктор Иванович Герасин, член Союза писателей России

Пролог

Привет тебе, читатель! Моё имя – Агапэ, и я хочу рассказать тебе свою историю. Вернее, история эта скорее о моих родителях – Ивётте и Адамйсе – и о чудесном Облачном мире, в котором они когда-то жили. Может быть, в какой-то момент тебе покажется, что весь мой рассказ – пустая выдумка и не имеет к тебе никакого отношения. Но поверь мне, это не так. Возможно, это – история именно твоей жизни, кто знает? Может статься, ты даже начнёшь вспоминать некоторые из описываемых мною событий. Может статься, ты даже вспомнишь меня... Не плачь тогда обо мне, мой дорогой читатель, ведь это значит, что скоро мы с тобой опять будем вместе!

Глава первая

Иветта

Она шла и радостно смеялась. Ноги её по щиколотку утопали в сиреневых облаках, покрывающих землю. Под плотным облачным покровом землю нельзя было разглядеть, и Иветта часто гадала, какого она цвета. То ей думалось, что земля нежно-розовая, как небесные облака перед сумерками, то казалось, что она зеленоватая, как облачные кроны деревьев, то виделось, будто она сиреневая под цвет своего покроя. Земля была мягкая, но в то же время упругая, и отщипнуть от неё кусочек Иветте никак не удавалось. Она мечтала, что когда-нибудь облачный полог хоть на миг рассеется, и ей удастся поближе познакомиться с той, что так услужливо подстилает под её ноги свою спинку днём и принимает в ласковые объятия ночью.

Лёгкий ветерок развеивал пушистые волосы Иветты, и весь мир улыбался ей, как улыбаются взрослые при виде прелестного невинного ребёнка. Деревья расступались, чтобы пропустить её, цветы тянули к ней свои разноцветные головки. В её мире не было ни острых камней, ни холодного пронизывающего дождя или колкого снега, ни ядовитых растений или хищных животных, могущих причинить ей хотя бы малейший вред или неудобство. Она была любимцей, бережно хранимой чьей-то заботливой рукой от всякого зла.

Внезапно Иветта почувствовала сильный голод. Словно в ответ на её желание, с неба начали падать большие белые тёплые снежинки и, кружась в затейливом танце, мягко ложиться на землю. Когда необычного снега выпало уже достаточное количество, Иветта наклонилась и зачерпнула рукой горсть душистых хлопьев, слепила из них маленький комочек и отправила его в рот. Непередаваемое блаженство охватило её, она на секунду забыла обо всём на свете, даже об Адамисе. Когда удовольствие от еды закончилось, она умылась росой из чашечки ярко-жёлтого цветка и вприпрыжку побежала к озеру. Там, она чувствовала это, ждёт её любимый.

Адамис – её друг и возлюбленный, единственный человек кроме неё самой, кого она знала в этом мире. Они составляли одно целое, хотя каждый был самостоятельной личностью. Души их не разлучались никогда, где бы ни находились при этом их тела. Они могли не видеть друг друга часами или даже сутками, но при этом были всегда вместе. Ничто, казалось, не может разрушить их единство – ни расстояние, ни даже всемогущий властелин Время. Эти понятия не действовали в их мире, которым безраздельно правила любовь.

Сердце Иветты радостно забило, едва она заметила Адамиса, купающегося в лёгких голубовато-изумрудных озёрных облаках. Каким он был красивым и чистым! Иветта остановилась и невольно залюбовалась его светозарной прекрасной душой, которую она видела во всей её полноте, несмотря на телесные покровы. Плоть была как бы накидкой, наброшенной на душу, не скрывающей, а, наоборот, подчёркивающей совершенство души Адамиса. После облачной ванны тела их обычно очищались от тяжести и становились особенно прозрачными. Как же всё чудесно устроено! Неужели так будет всегда? Вечно ли они будут такими счастливыми и прекрасными? Иветта задумалась. Слово «вечно» зародило в её душе лёгкое чувство беспокойства. Было ли у этого «вечно» начало и, главное, будет ли конец? Она не помнила начала своего собственного существования, ей казалось, что она была здесь всегда. Но смутно Иветта чувствовала, что начало это всё-таки было. Может быть, считать началом их первую встречу с Адамисом? Ведь в полной мере она осознала себя именно тогда. Она не помнила, как жила до этого события, хотя знала, что как-то жила. Наверное, раньше она просто отдавалась воле волн бытия. Встреча с Адамисом была подобна пробуждению ото сна. Иветта начала вспоминать...

Вот она идёт куда-то совершенно без цели, бессознательно радуясь жизни. И вдруг видит его, шествующего ей навстречу. Она сразу узнала своего Адамиса. Может быть, они и раньше

качались рядом в колыбели жизни, но теперь вдруг прозрели и увидели друг друга. Ведь увидеть – это то же самое, что полюбить. Нельзя увидеть что-то, не полюбив этого. Полюбив Адамиса, она стала учиться видеть мир. Она постепенно узрела небесные облака, деревья, озёрную полупрозрачную туманность. Она стала запоминать. Помнить тоже можно только то, что любишь. Раньше мир как бы скользил мимо Иветты, не затрагивая её сущности. Всё было одинаково прекрасным и пустым, все дни были в равной мере радостно-бессмысленными. Но любовь к Адамису окрасила всё в разные цвета. Теперь каждый день, каждый час и каждое мгновение наполнились смыслом. Ведь с каждой секундой любовь их становилась всё сильнее, полнее и глубже. Наверное, она совершенно напрасно беспокоится – у их счастья просто не может быть конца!

Иветта очнулась от воспоминаний и снова поглядела на Адамиса. Этот миг она тоже запомнит навсегда. Миг, когда она разглядела новую прекрасную чёрточку души своего любимого.

Но вот Адамис заметил свою возлюбленную, и улыбка осияла его лицо. Он помахал ей рукой, приглашая Иветту присоединиться к нему. Она приняла его приглашение и осторожно ступила на дно озера. Приятная прохлада озёрных облаков ласкала тело. Она чувствовала, как все её тревоги и желания постепенно уходят, а неописуемый мир и тишина нисходят в душу. Адамис стоял чуть в стороне, давая ей возможность насладиться очищающей облачной ванной. Но когда Иветта расслабилась настолько, что совершенно потеряла бдительность, он вдруг одним прыжком достиг её и уже собирался было заключить в свои объятия. Однако буквально в последний момент гибкое тело Иветты, почувствовав «опасность», резко уклонилось в сторону, и руки Адамиса сомкнулись, обняв лишь озёрную дымку. От того, что «добыча» в последний момент ускользнула от него, он растерялся и замер на месте. Это дало Иветте возможность припустить что есть духу и на довольно приличное расстояние оторваться от «коварного охотника». Адамис издал боевой клич и снова стал преследовать свою «жертву». Иветта, смеясь и визжа от удовольствия, носилась по дну озера, резко бросаясь то в одну, то в другую сторону, чтобы улизнуть от более быстрого, но менее ловкого противника. Как Адамис ни изловчался, ему никак не удавалось поймать свою вёрткую возлюбленную. Однако по его лицу было видно, что и ему доставляет огромное удовольствие эта весёлая погоня. Наконец Иветта выскочила на берег и в изнеможении упала на землю. Адамис выбежал следом, легко поднял на руки сотрясающуюся от хохота подругу и закружил её в безумном танце. «Я – твой!» – кричал он. «Я – твоя!» – вторила ему Иветта.

Устав и от этой забавы, они легли рядышком и стали смотреть на небесные облака. Верхний слой небесных облаков был подобен одеялу, плотно укутывающему их мир. В нём не было ни одного разрыва, и увидеть, что находится над ним, не было никакой возможности. А вот нижний слой состоял из отдельных кучевых облачков. Некоторые из них были похожи на большие плавучие деревья, другие – на людей, третьи – вообще непонятно на что. Было интересно придумывать историю каждого облака. Но ещё интереснее было думать о том, что находится там, за облаками!

Так они отдыхали довольно долго. Сначала каждый рассказал другому о том, что пережил за время их краткой разлуки, потом они просто лежали молча, наслаждаясь тишиной и обществом друг друга.

Иветта стала размышлять о том, почему от них с Адамисом так много сокрыто в их собственном мире. Почему они не могут видеть землю или то, что скрывают небесные облака? Конечно, они могут любоваться душами друг друга, и это чудесно, но мысль о том, что мир хранит какие-то тайны, манила Иветту и разжигала её воображение. Ей хотелось познавать всё новые и новые вещи и учиться любить их. Это было бы так захватывающе прекрасно!

Вдруг Иветта заметила крошечное чёрное пятнышко на жемчужно-белом небесном облачном покрове. Раньше, она точно знала, никаких пятнышек там не было. Это была пер-

вая на её памяти перемена, произошедшая в их мире. Мир всегда был постоянен. Конечно, менялись очертания и формы облаков, день сменялся ночью и так далее, но ничего *совершенно* нового никогда не появлялось. Для них сегодняшний день отличался от вчерашнего тем, что они глубже познавали и сильнее любили всё то, что окружало их всегда. Менялся не мир вокруг, менялись они сами. Но ведь Иветта жаждала чего-то нового! Может быть, это пятнышко – ответ на её невысказанную просьбу?

Иветта показала на пятно Адамису. Оно стало чуть больше. Вдруг Адамис заметил ещё одно пятнышко, чуть левее первого. Потом появилось ещё одно, потом ещё и ещё. Пятнышки всё росли и множились, и Адамис с Иветтой вскоре поняли, что какие-то необычные существа летят прямо к ним.

Влюблённые поднялись с земли и взялись за руки. Так они стояли и смотрели в небо, пока одно из существ не долетело до них и не зависло напротив их лиц. Оно стало их рассматривать! Иветта тоже смотрела на него и никак не могла понять: живое оно или нет. С одной стороны, у него была большая голова, маленькое тельце и шесть конечностей, а главное, оно явно сознательно их изучало. С другой стороны – той жизни, что наполняла их с Адамисом, в нём не было. Сквозь его тело Иветта, как ни старалась, не могла рассмотреть души. Чёрная шкурка, покрывающая существо, была непроницаемой. Создание, казалось, поглощало свет, а не излучало его. Это почему-то испугало Иветту. Раньше она не знала страха, и это новое чувство не понравилось ей. Она инстинктивно прижалась к Адамису.

Вскоре все голованы, как про себя окрестила их Иветта, окружили людей плотным кольцом. Адамис первым взял себя в руки и поклонился существам, как он кланялся утром земле, небу, деревьям и всему, что видел, в знак приветствия и своего уважения к миру, который был так добр к нему. Это оказалось как бы сигналом к действию. Самый крупный и чёрный голован, тот, который прилетел первым, вдруг неожиданно подскочил к Иветте и сделал что-то страшное с её душой: то ли втянул в себя капельку её света, то ли откусил от неё маленький кусочек. Потом все существа как по команде умчались ввысь и вскоре вновь превратились в маленькие пятнышки, а потом и вовсе исчезли из виду.

* * *

Иветта сидела на земле и смотрела на слёзы, текущие по щекам Адамиса. Ей было больно от того, что неизвестное существо покалечило её. Но Адамису, она знала это, было ещё больнее видеть её изуродованную душу и понимать, что ничего изменить нельзя.

– Он был таким красивым! – оплакивал Адамис безвозвратно потерянный кусочек Иветты. – Я только вчера заметил его и ещё не успел познать! Почему то существо сделало это с нами?

Иветта не знала ответа и ничем не могла помочь своему любимому. Однако она была рада, что голован напал на неё, а не на Адамиса.

Когда влюблённые немного успокоились и пришли в себя, они вновь вошли в очищающие облака озера. И вновь, как это было всегда, мир снизошёл в их души. Эпизод с голованами казался им уже не таким ужасным и непоправимым. Однако резвиться и играть Иветте с Адамисом больше не хотелось. Оба были молчаливы и серьёзны. Выйдя из озера, они не сговариваясь разошлись в разные стороны.

* * *

Иветта брела, не разбирая дороги, мимо озёр и рощ, прекрасных облачных водопадов и словно зовущих прилечь полянок. Раньше она бы обязательно остановилась, поговорила со всеми встреченными ею на пути деревьями, цветами и озерцами. Ей хотелось запомнить каж-

дое мгновение жизни, полюбить каждую пядь земли, по которой она ступала... Но сейчас всё это отступило на второй план. Её целью было уйти подальше от Адамиса, чтобы вдали от любимого подумать о том, что же с ними произошло.

Боли она больше не чувствовала, но в душе царил пустота, которая была намного страшнее боли. Как будто с частичкой своей души Иветта потеряла способность чувствовать как прежде. Даже любовь к Адамису, всегда горевшая ровным пламенем в её сердце, словно бы немного потускнела и съёжилась. Её родной, такой привычный и ласковый мир стал казаться ей чужим и незнакомым. Оказывается, он может приносить не только радость, но и причинять боль.

Вдруг Иветта обо что-то споткнулась и чуть не упала, едва сумев сохранить равновесие. Такое было с нею впервые. Хотя земли под слоем облаков и не было видно, но она была такая упругая и гладкая, без единого бугорка или впадинки, что споткнуться было просто невозможно. Иветта подумала, что, наверное, она сама как-то неловко ступила, поэтому её нога и подогнулась. Но пройдя ещё несколько шагов, она почувствовала, что рельеф земли едва ощутимо изменился – вместо идеально ровной поверхности она вся теперь была покрыта словно бы лёгкой рябью. Иветта остановилась, огляделась вокруг и увидела, что зашла в какое-то совсем незнакомое ей место. Деревья здесь росли плотнее друг к другу, и было немного сумрачно. Она села, прислонилась спиной к стволу одного дерева, кожей ощутив приятную прохладу и шелковистость его коры. Иветта закрыла глаза и отрешилась от себя, стараясь вновь почувствовать своё единство с миром, вернуть утраченные любовь и доверие. И тут с ней произошло чудо: душа её словно бы слилась с душой дерева, на какое-то мгновение став с ним одним целым. Иветта всем своим существом чувствовала, как по ней бегут живительные токи земли. Это было удивительно приятное ощущение, подобное лёгкой щекотке. Какая-то неведомая ей раньше сила наполняла её до краёв, питая и укрепляя душу.

Иветте стало легко и спокойно. Она опять, как и раньше, чувствовала себя в полной безопасности. Зачем она рвалась к чему-то новому? Из-за этого она только потеряла частичку себя и расстроила Адамиса. «Всему своё время, – думала Иветта, наслаждаясь покоем и тишиной этого немного загадочного и прекрасного места, – надо только довериться миру, и тогда он сам будет постепенно открывать мне свои тайны. Вот сейчас, хотя я даже не просила его об этом, он привёл меня в этот волшебный лес, дал прикоснуться к душе дерева, принял меня в свои материнские объятия. Когда-нибудь, когда я буду к этому готова, он покажет мне и землю, и небеса, он раскроет передо мной свою сокровищницу и даст насладиться самым заповедным знанием. Только не надо торопить его, не надо принуждать к чему-то, брать благо силой».

Иветта запела хвалу миру. Ей хотелось поделиться своим новым знанием, которое не умещалось в её душе. Радость, охватившая её, выплёскивалась наружу и, обретая форму в словах, уносилась ввысь, к небу. Мир отвечал на её песнь, он ликовал и радовался вместе с ней.

«Радуйтесь, радуйтесь, радуйтесь!» – пела Иветта.

Боль от того, что на неё напал голован, обида, страх и тревога за их с Адамисом будущее постепенно исчезали, растворялись в песне Иветты. Она поняла, что боль была результатом её собственного непослушания и недоверия к миру, но теперь она прощена, теперь её связь с миром стала более осознанной и более крепкой. Она кого-то о чём-то просила, сама не зная кого и о чём, но точно зная, что поступает правильно, что надо просить и надо верить, что эту просьбу обязательно выполнят.

«Люби и верь, люби и верь!» – пела она.

Песнь её звенела, наполняя собой всё вокруг, и звала к радости, любви и новой жизни. Иветта ждала чего-то невыразимо прекрасного, что обязательно должно было произойти, и это ожидание было чудеснее и радостнее всего испытанного ею доселе.

«Надейся, жди и верь!» – звучала песня Иветты.

Своей песнью она стала призывать Адамиса, чтобы и его наполнить счастьем и любовью, переполнявшими её саму. Она должна поделиться с любимым своим знанием, должна объяснить ему всё, что поняла, тогда у них обязательно всё будет хорошо.

Глава вторая

Адамис

В первый раз в жизни Адамис чувствовал стыд. Он не смог защитить свою любимую, он позволил чужаку напасть на неё, когда надо было прикрыть её собой. Пусть бы они растерзали его, но Иветта была бы цела. Нет, он не стал любить её меньше. Просто к его любви примешалось теперь ещё какое-то чувство, которого он раньше не знал.

Адамису хотелось спрятаться от всего мира. Он зашёл в дальнюю рощу, выбрал подходящее дерево и направился к нему. Встав под деревом, он подпрыгнул, ухватился руками за нижнюю ветвь, подтянулся и одним ловким движением опытного гимнаста закинул на неё своё тело. Перелезая с ветки на ветку, вскоре он достиг почти самой верхушки дерева и, как в гнёздышке, удобно устроился в развилке ствола. Зеленоватые облака кроны надёжно скрыли его от мира.

Адамис задумался. Почему он не хочет видеть Иветту? Конечно, не из-за её уродства. Он чувствовал свою вину перед ней, и это чувство впервые за их совместную жизнь разобщило их. Оно было подобно нотке горечи в безбрежно-сладком океане их любви. Однако всё ещё поправимо – главное, не поддаваться страху и быть всегда готовым защитить свою возлюбленную. Больше он такого не допустит никогда. Приняв это решение, Адамис сразу успокоился и расслабился.

Но вдруг ещё одна мысль пронзила его ум. Он так разволновался, что чуть не выпал из своего гнёздышка. Адамис неожиданно осознал, что они с Иветтой не одни в этом мире. Есть и другие существа! Это был прорыв, по силе почти равный тому, что произошёл с ним тогда, когда Иветта появилась в его жизни.

Как же это было? Всё началось с того, что в его убаюканном волнами мира сознании зародилось какое-то новое чувство. Оно было подобно зуду. Этот зуд нарушил прежнюю гармонию покоя, но в то же время оказался предтечей созидания нового, ещё более прекрасного и гармоничного здания бытия. Это была жажда. Жажда любви. И это было пробуждение. Появление Иветты было естественным и неизбежным следствием этой жажды. Ведь если есть жажда, значит обязательно существует то, что может её утолить. Иначе в ней не было бы никакого смысла. Любовь – это познание. Через свою любовь к Иветте он стал познавать самого себя. Возлюбленная была как бы им самим, вынесенным вовне. Продолжением его собственной души во внешнем мире.

Но теперь, после всего, что с ними произошло, перед Адамисом с неотвратимостью встал вопрос: смогла ли любимая полностью утолить его жажду? Может быть, для познания себя им с Иветтой необходим кто-то третий? Тогда их любовь станет многомерной. Она будет подобна игре в ручеёк, где каждый будет постоянно уступать, добровольно жертвовать собой ради любви двух остальных. Любовь – это всегда жертва. Любя другое существо, ты отрекаешься от себя самого, чтобы вновь обрести себя в другом.

Теперь Адамис ясно понял, что рад появлению в их мире иных. Неосознанно он уже давно ждал и даже призывал их. Конечно, он не ожидал, что они будут такими, как эти ужасные твари, – причиняющими боль и уничтожающими красоту. Но, может быть, есть и другие. Все изменения – всегда к лучшему. Старое благо разрушается, чтобы на его фундаменте было возведено новое, ещё лучшее благо. Так было и так будет. Надо просто довериться миру и ждать.

От длительного неподвижного сидения у Адамиса стали затекать ноги. Он легко соскользнул с дерева и направился к «краю мира», как они с Иветтой называли место, где кончались рощи, леса и озёра и начиналась пустошь, покрытая лишь редкими лиловыми кустиками. Адамис сел на землю и стал смотреть вдаль, пытаясь разглядеть то, что находится там, за линией горизонта. Он мог сидеть так часами, ни о чём не думая, созерцая расстилающуюся

перед ним равнину и наслаждаясь покоем и тишиной. Но на этот раз всё было по-другому. Он ждал, что из-за горизонта вот-вот кто-то появится. Но ничего не происходило.

Адамису пришла в голову новая мысль: зачем ждать? Его томила жажда познания, которая была сродни голоду. А когда он хотел есть, он не ждал, когда еда сама запрыгнет ему в рот, он наклонялся и брал её. Может быть, ему самому надо отправиться на поиски других существ?

Однако на этот раз он ничего не предпринял. Ему вдруг очень сильно захотелось увидеть Иветту. Он ощутил, что она сейчас остро нуждается в нём, в его заботе и любви, что она зовёт его. Чувство ответственности за любимую вытеснило из его сердца все другие чувства и желания. Оно тоже было новым и непривычным. Раньше в их союзе никто не доминировал. Они были подобны двум деревьям, посаженным рядом заботливой рукой садовника. Они любовались друг другом, познавали друг друга, но возвращал, поливал и охранял их кто-то другой. У них было всё необходимое для жизни, никакая опасность им не грозила. Но после неожиданного нападения тех существ всё изменилось. Они с Иветтой уже частично вышли из-под опеки своего садовника. Сейчас Адамис чувствовал себя лидером, так как принял ответственность не только за себя, но и за любимую. В этом чувстве не было ни капли превосходства, оно истекало из его безграничной любви к Иветте и было таким же естественным, как желание есть или пить. Просто дерево его любви возросло уже в достаточной степени, чтобы загородить собой Иветту от всех опасностей.

Адамис как всегда безошибочно определил, где сейчас находится его возлюбленная, и пошёл на её зов. Они всегда без труда находили друг друга, стоило только пожелать этого. Он шёл на удивление долго и оказался в совершенно незнакомом месте, где деревья росли так близко друг к другу, что их облачные кроны почти соприкасались. От этого лес казался немного таинственным и чудесным.

Адамис увидел любимую на миг раньше, чем она его. Иветта сидела, прислонившись спиной к дереву, и пела. Песня её была так прекрасна, а душа сияла таким чистым радостным светом, что сердце Адамиса пронзило острое чувство любви и нежности, какого он никогда не знал раньше. Он всегда принимал Иветту как любимое, но естественное продолжение себя самого. Теперь же он словно увидел её другими глазами. Он впервые почувствовал, что она – самостоятельное, независимое от него существо со своими собственными мыслями, чувствами и желаниями. Конечно, Иветта всё ему рассказывает, не скрывает от него свою прекрасную душу. Она позволяет ему любоваться ею, познавать её. Но это – акт её доброй воли, дар любви, демонстрирующий полное доверие к нему и открытость. И этот дар – величайшее сокровище, которого он раньше не замечал и не ценил. Теперь его любовь к Иветте стала более осознанной и оттого более глубокой.

Почувствовав, что Адамис смотрит на неё, Иветта тут же вскочила и бросилась в объятия любимого. Она целовала его, пыталась что-то объяснить, рассказать, но рассказ получался сбивчивым и нескладным. Но это было неважно. Важно было, что они вместе и будут вместе всегда. Адамис крепко прижимал Иветту к себе и гладил по мягким, шёлковистым волосам. Наконец, уставшие и счастливые, они легли на землю, которая сразу же приняла форму их тел. Пуховая облачная перина, покрывающая землю, согрела их, и они сами не заметили, как крепко уснули.

* * *

Проснувшись в объятиях Иветты, Адамис ещё долго лежал, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить любимую. Воспоминание о нападении на неё казалось сном. Утренний мир был так прекрасен и свеж! Воздух напоён какими-то сладкими и волнующими ароматами, всё дышит жизнью и как будто светится изнутри. Из облачного покрова земли выглядывают головки спрятавшихся на ночь цветов, а с неба падают мягкие белые хлопья.

Почувствовал голод, он осторожно высвободился из объятий любимой, сел на землю и стал ловить эти съедобные хлопья ртом. Когда игра наскучила Адамису, он обеими руками зачерпнул большую горсть белоснежной сладости и с наслаждением съел всё без остатка. Потом напился росы, смешанной с нектаром, из синей чашечки растущего рядом цветка.

Иветта тоже проснулась и стала завтракать. Утолив свой голод и жажду, они решили погулять по незнакомому лесу. К удивлению Адамиса, земля в этом месте была немного волнистой и ходить по ней было труднее, чем обычно. Вчера, когда он спешил к Иветте, он не заметил этого, но теперь обратил внимание. Это открытие раззадорило его любопытство, ему захотелось исследовать этот неизведанный уголок мира.

Они долго бродили по лесу, кланялись деревьям, желали доброго утра цветам, небу и земле. Наконец они вышли на опушку, и их взорам открылось огромное озеро, какого они никогда раньше не видели. Простиралось оно так далеко вперёд, что не было видно другого берега. От зрелища бесконечно уходящей вдаль изумрудной глади просто захватывало дух.

Адамис с Иветтой бросились наперегонки к озеру и окунулись в его густые прохладные облака. Впечатление от купания было совершенно непередаваемым. Влюблённые чувствовали, как будто их тела сделались совсем невесомыми. Они спокойно держались на поверхности озера и могли почти не касаться ногами дна. Такое они ощущали впервые – обычно озёрные облака подобны лёгкому туману и не способны выдерживать вес их тел. А у этих облаков плотность была больше, и при погружении в них казалось, что какая-то сила выталкивает тебя наверх. Можно было даже двигаться по поверхности, изо всех сил загребая руками и ногами. Эта новая забава так увлекла Иветту и Адамиса, что они забыли обо всём на свете. Скоро их движения стали более плавными и уверенными, и они настолько хорошо овладели искусством перемещения по озеру, что могли без особого труда преодолевать довольно большие расстояния. Устав, они просто переворачивались на спинку и расслабленно лежали, раскинув руки и ноги и любясь небесными облаками.

Адамиса охватило страстное желание плыть всё дальше и дальше вдаль, к неведомым и манящим берегам, где, возможно, их ждут ещё большие чудеса, чем этот странный лес и огромное озеро. А может быть, там они встретят других подобных себе существ. Зуд любви стал мучить его с ещё большей силой, чем раньше, и ждать, когда новое благо само придёт к нему, было просто невыносимо. Адамис предложил возлюбленной продолжить путь, но она отказалась, сославшись на усталость, и повернула назад к берегу. Любовь к Иветте была в Адамисе сильнее всех остальных чувств, поэтому он не раздумывая поплыл за ней следом.

Выйдя на берег, они молча легли рядом. Иветте почему-то стало немного грустно. Она затосковала по местам, где они жили раньше, по маленьким озерцам и любимым ею рощам. Облачная ванна не дала обычного покоя и умиротворения, наоборот, она как будто подняла со дна души какое-то беспокойство и тревогу. Не нравилось Иветте и желание Адамиса искать новые земли. Но она полностью доверяла любимому и знала, что он никогда не покинет её. Значит, причин для беспокойства нет. Сейчас они отдохнут немного и вернутся назад, в свой привычный обжитой мир.

Адамис не понимал Иветту. Ведь это именно она разбудила в нём желание перемен, они вместе мечтали когда-нибудь увидеть небо и землю без их облачного покрова, а теперь она явно была недовольна его стремлением изучать мир. Неужели она увидела в этом что-то плохое? Может быть, всё это – следствие ущерба и повреждённости её души? Но он сумеет исцелить её своей любовью; если надо, он отдаст кусочек своей души, чтобы Иветта вновь стала такой, как прежде.

Неожиданно их мысли прервал какой-то шум или, скорее, ощутимая вибрация воздуха. Они вскочили на ноги и увидели, что со стороны озера к ним приближается целая стая голованов. Они, похоже, и издавали этот странный звук. Голованов явно стало больше, чем было в прошлый раз, и они летели прямо на людей. Адамис с Иветтой, почувствовав опасность, побе-

жали к лесу, но было уже поздно. Главварь голованов настигал Иветту. Адамис успел загородить её собой, и чёрное существо впилося в его душу. Иветта закричала от ужаса и упала на землю, потеряв сознание.

* * *

Когда она очнулась, голованов больше не было, а Адамис, склонившись над нею, смотрел на неё с беспокойством и страхом. Иветта обняла его и стала успокаивать, стараясь не глядеть на безнадежно повреждённую часть его души. Поняв, что с любимой всё в порядке, Адамис отстранился от неё и, не сказав ни слова, ушёл куда-то в лес. Она не удерживала его, чувствуя, что одиночество для него сейчас целительнее, чем её утешения и ласки.

Адамис долго плутал среди деревьев, ни о чём не думая. Ему хотелось одного – вернуться в свой старый привычный мир, забыть о том, что случилось с ними за последнее время, и жить как раньше. Сердце щемило от непонятной тоски и тревоги за их с Иветтой будущее. Хотя он и выполнил своё решение защищать любимую любой ценой, но спокойней на душе от этого не стало. Неожиданно в голову пришла страшная мысль: что если голованы нападут на Иветту тогда, когда его не будет рядом? Он осознал, что не в силах защитить ни себя, ни свою возлюбленную. За что мир ополчился на них, ведь они его дети, и он всегда был добр к ним? Или голованы пришли из какого-то другого мира, в котором действуют другие законы, а не законы любви? Но что им нужно от них с Иветтой? Зачем они пожирают их души? И, главное, как остановить их?

Адамис стал размышлять о том, что представляет из себя его душа и откуда вообще она в нём взялась. Эти вопросы уже давно мучили его и не давали покоя. Он видел душу Иветты как нечто светящееся и невообразимо прекрасное – словно она вся состояла из огромного количества живых сверкающих переплетающихся в дивный узор нитей. Исходящие от неё ниточки света связывали её душу с его собственной душой, делая их одним целым. Такие же ниточки-лучики соединяли их со всем остальным миром. Светящиеся волокна пронизывали всё вокруг, наполняя мир жизнью и любовью. Адамис понял, что где-то должен существовать некий источник жизни, который питает и поддерживает всю эту гармоничную стройную систему бытия. Иначе просто и быть не может! Возможно, когда-нибудь они смогут поближе познакомиться с этим источником и узнать тайну их собственного существования. Адамису очень этого хотелось! А вот голованы словно бы выпадали из общей картины мира, были как будто лишним элементом, препятствием на пути света. В них самих не было жизни и любви, и они уничтожали жизнь и любовь вокруг себя. И когда они нападали на Адамиса или Иветту, то как будто рвали световые нити и тем самым нарушали связь их душ друг с другом, миром и самим источником жизни. Если бы они с Иветтой могли напрямую обратиться к источнику, то он бы наверняка помог им справиться с голованами. Но возможно ли это?

Вскоре Адамис осознал, что в какую бы сторону ни пошёл, земля по-прежнему оставалась слегка бугристой, а лесу, казалось, не было конца. То ли он просто заблудился, хотя такого с ним никогда раньше не было, ведь он всегда инстинктивно чувствовал, куда надо пойти, чтобы достичь желаемого места; то ли весь мир изменился. Это открытие поразило Адамиса. Он остановился и задумался. Похоже, его мечта начинает осуществляться, хотя и не совсем так, как он думал. Изменились они сами, и мир вокруг тоже стал иным. Хорошо это или плохо, но они выбрались из кокона, в котором жили раньше, и теперь пути назад больше нет. Можно двигаться только вперёд, куда бы ни привёл их этот новый путь.

Теперь Адамис точно знал, что надо делать. Он принял решение, и на душе вновь стало спокойно и легко. Он отправился к Иветте, которая всё ещё ждала его на берегу Озера. Её огромные глаза были полны печали, а душа излучала тихий спокойный свет.

Адамис лёг на землю, положив свою голову на колени любимой.

– Прости, что не согласилась плыть с тобой к дальнему берегу, – заговорила Иветта. – Это моя вина, что появились эти твари. Я должна была доверять тебе. Впредь я постараюсь быть более послушной.

– Нет, ты ни в чём не виновата. Я поддался своему желанию, а ты остановила меня. Ты поступила правильно.

– Давай вернёмся в наш прежний мир, – предложила Иветта, – и забудем всё, что с нами случилось.

– Пути назад нет, – сказал Адамис и поведал ей обо всём, что осознал, гуляя по лесу. – Мы теперь стали странниками, Иветта, и не будет нам покоя, пока мы не поймём, зачем существуем в этом мире и не найдём Источник Жизни! – закончил он свою речь.

Иветта долго молчала, поражённая словами Адамиса.

– Что же нам теперь делать? – наконец спросила она.

– Идти вперёд и не оглядываться назад. Поверь, я сумею позаботиться о тебе.

Иветта не стала возражать и только тихо промолвила:

– Я согласна на всё, лишь бы всегда быть с тобой! Но в последнее время я почему-то стала бояться потерять тебя. Когда ты ушёл сегодня, я вдруг почувствовала, что ты можешь однажды не прийти обратно.

– Это невозможно. Я никогда тебя не брошу, Иветта, поверь мне.

– Пожалуйста, не покидай меня больше надолго, Адамис. Вдруг те существа хотят разлучить нас?!

– Они не смогут. Мы всегда будем вместе, любимая, не волнуйся!

Иветта наклонилась и поцеловала Адамиса в высокий открытый лоб. Она безгранично верила ему.

Глава третья

Лавочница

Голованы больше не тревожили их, и Адамис с Иветтой стали уже привыкать к своему новому миру. Каждое утро они купались в Озере, потом бродили вдоль берега или шли гулять в лес. В лесу было много полянок, поросших большими яркими цветами, а деревья местами росли почти вплотную друг к другу, а кое-где стояли отдельными небольшими группами, похожие на великанов, застывших в каком-то причудливом танце.

То утро, в которое с ними случилось новое чудо, было просто замечательное. Мир, как всегда, раскрывал им свои маленькие тайны: то в виде какого-то нового цветка, то необычного по форме дерева или кустарника. Они уже гуляли по лесу довольно долго, безотчетно радуясь всему, что попадалось им на пути, как вдруг их взглядам открылась незнакомая поляна, в центре которой стояло странное сооружение, не похожее ни на что, виденное ими прежде. На сооружении красовалась надпись «Сельхозпродмаг», а рядом, на низенькой лавочке сидела полная румяная женщина в кружевной белой наколке и таком же переднике, надетом поверх халата. Женщина держала в руках маленькую дымящуюся трубочку. Периодически она брала кончик трубочки в рот, а потом выпускала изо рта едкое облачко дыма.

Завидев Адамиса с Иветтой, она встала со своей лавочки и приветливо помахала им пухлой ручкой:

– Идите сюда, мои милые!

Иветта несмело двинулась к женщине.

– Не бойтесь, цыплятки вы мои, я вас не обижу!

Адамис опередил Иветту и первый подошёл к домику, стараясь на всякий случай закрыть собой любимую.

– Ну вот и славно, вот и познакомимся, мои дорогие. Я – Лавочница, а это мой Магазин, – с улыбкой произнесла женщина, бросив свою трубочку на землю. – В нём есть всё, что может понадобиться для жизни. Вы мои первые покупатели, и уж я постараюсь обслужить вас на славу, будьте уверены! Проходите внутрь, не бойтесь! – И она исчезла в недрах своего странного заведения, поманив их за собой.

Адамис с Иветтой вошли вслед за Лавочницей в низенькую дверку и оказались в просторном помещении, где на длинных полках лежали какие-то неизвестные им предметы. Магазин изнутри оказался на удивление большим и ярко освещённым. Ряды полок уходили куда-то вглубь, и конца им не было видно.

– Вот и хорошо, вот и молодцы, что зашли. Осматривайтесь, выбирайте, покупайте всё, что понравится! Товар у меня отменный, можете не сомневаться! – щебетала толстуха.

Иветта взяла с одной из полок какой-то небольшой предмет с двумя торчащими из него железками и стала вертеть его в руках.

– Это миксер, моя дорогая, но я думаю, что пока он вам не нужен. Лучше купите что-нибудь вон оттуда. – И Лавочница показала на ближайшую к ним полку. – Это продукты. Еда. Купите, к примеру, батон свежего хлеба.

– А что такое «покупать»? – Иветта положила миксер обратно на полку и потянулась за вкусно пахнущим батонem. Она на удивление быстро освоилась в Магазине.

Женщина засмеялась похожим на кудахтанье смехом.

– Покупать, моя милая, это значит брать у кого-то какую-то вещь, а взамен оставлять ему что-то своё.

– Что же ты хочешь получить взамен? Ведь у нас ничего нет, – удивился Адамис.

– Ну, я думаю, что кое-что у вас всё-таки есть, мои хорошие. А расплачиваться ведь совсем не обязательно вещами! – Неестественно красные губы женщины расплылись в широ-

кой улыбке. – Но вы не волнуйтесь об оплате, птенчики мои, я продаю в кредит. А расплатятся за вас другие. Ведь я надеюсь, что вы – не последние мои покупатели! – И она вдруг как-то странно подмигнула им. – Так что берите что хотите и ни о чём не беспокойтесь!

– Но зачем нам покупать у тебя еду, когда её и так полно вокруг – бери когда хочешь и сколько хочешь! – не унимался Адамис.

– А вы уверены, что так будет всегда? Милые вы мои, надо заботиться о будущем, а как же иначе? Я для того здесь и появилась, чтобы облегчить вашу жизнь. И потом, что плохого в разнообразии? Надо всё в своей жизни попробовать, всё испытать, ведь она такая короткая! Надо себя любить и баловать! Да, мои хорошие, если ты сам себя не полюбишь, никто тебя не полюбит! Вот так вот! – И Лавочница поправила выбившийся из-под наколки белёсый, отдающий в желтизну локон.

– Как можно самому себя любить, не понимаю? – Иветта так удивилась, что даже положила батон на место. – Я люблю Адамиса, и землю, и небо, и лес, и Озеро, и всё вокруг. Любить – значит отдавать частичку себя всему, что любишь. А как можно отдавать себя себе? Не понимаю...

– Ты ещё это узнаешь и поймёшь, моя милая. Гораздо лучше получать, а не отдавать, уж поверь мне. А то так всю жизнь будешь себя всем раздаривать, потратишь на это лучшие годы, а потом что? Никто тебе за это даже и спасибо не скажет! Если уж и отдаёшь что-то, то требуй взамен что-нибудь для себя. Тогда не прогадаешь!

Адамис с изумлением уставился на Лавочницу:

– Ты предлагаешь продавать и покупать любовь?

– Я, мой дорогой, всего лишь предлагаю купить у меня батон хлеба, – отрезала Лавочница.

Иветта задумалась: может ли так случиться, что небесная еда перестанет появляться в их мире? И что они будут в таком случае делать? Снег из съедобных сладких хлопьев был таким же естественным и обыденным явлением, как смена дня и ночи. Нет, это просто невозможно, чтобы он когда-нибудь не выпал. Но мир преобразается у них на глазах. То, что раньше казалось таким незыблемым, меняется. Старое исчезает, а на его месте появляется новое. Иветте вдруг на миг словно бы приоткрылось будущее: она увидела внутренним взором, как однажды прежняя еда исчезнет и им с Адамисом придётся искать ей замену. Может, стоит купить у Лавочницы хлеба про запас, на случай, если это действительно когда-нибудь произойдёт? Может, именно для этого и появилась в их мире эта женщина?

Она наконец решилась и снова взяла с полки батон.

– Хорошо, я куплю у тебя эту еду!

– Вот и умница, вот и молодец, я запишу её на твой счёт! – обрадовалась толстушка и стала водить заострённой палочкой по гладкому белому листу.

Иветту это очень позабавило. «Какая она всё-таки странная, эта Лавочница! Как будто не из нашего мира», – подумала она.

Адамис не стал отговаривать Иветту покупать хлеб. Он пообещал защищать любимую от всех опасностей, но разве эта милая добродушная женщина может причинить им какой-то вред? Она явно хочет помочь, почему бы не воспользоваться её услугами? И он в порыве тёплого чувства предложил Лавочнице:

– Пойдём с нами к Озеру! Там так хорошо купаться!

– Ну что вы, сладенькие мои, как же я брошу свой Магазин? Лучше уж вы ко мне почаще наведывайтесь, покупайте мои товары, пользуйтесь ими на здоровье! Всего вам хорошего!

По дороге к Озеру Иветта откусила немного от батона и передала его Адамису. Тот тоже попробовал нового яства и поморщился. Оно показалось ему безвкусным и жёстким, и он тут же отдал его обратно своей спутнице со словами:

– Наша еда во много раз лучше этой!

Иветта в душе была согласна с ним, но вслух почему-то не сказала об этом. Ей уже надоело таскать хлеб в руках и хотелось оставить его где-нибудь под деревом. Однако она не решилась это сделать, как будто была связана со своей покупкой какими-то невидимыми узами. Есть она не хотела, и батон был ей в данный момент не нужен, но в то же время просто так расстаться с ним Иветта не могла: её не покидало чувство, что взамен хлеба она отдала Лавочнице частичку самой себя, и теперь словно бы срослась душой со своей покупкой, сделалась с ней одним целым. Став владелицей первого в своей жизни имущества, Иветта поняла, почему Лавочница не хочет ни на минуту покидать свой Магазин – все хранящиеся там вещи были ею, а она была ими.

Но у Лавочницы было помещение, где она держала своё добро, а у Иветты не было даже постоянного места, где преклонить голову. Она вновь ощутила себя странницей в этом мире, и ей стало неуютно и как-то грустно. Тревога за будущее вернулась в её сердце и свила там надёжное гнездо.

– Странно, я так и не разглядел душу этой Лавочницы, – прервал размышления Иветты Адамис.

– И я тоже, – удивилась Иветта.

– Она как будто не такая, как мы, – продолжил он. – Она – как ветер, или Озеро, или что-то в этом роде. Но и не совсем, как они.

– Да, у меня такое же чувство. Но ведь для чего-то она появилась на нашем пути. Я думаю, что всё это к новой радости.

– Наверное, ты права...

Весь оставшийся день Иветта не расставалась со своей покупкой и вместо сладчайших, таявших во рту хлопьев ела жёсткий невкусный хлеб. Она поставила перед собой цель не вкушать небесной пищи до тех пор, пока не прикончит батон. Настроение у Иветты было хуже некуда: она злилась на саму себя за то, что поддалась уговорам Лавочницы и купила ненужную ей еду, и к тому же дулась на Адамиса, отказавшегося помогать ей уничтожить злополучный батон. Утешало Иветту лишь упование на то, что она поступает очень предусмотрительно и мудро, начав заранее привыкать к новой пище. Теперь грядущее изменение мира не застанет её врасплох!

* * *

После знакомства с Лавочницей Иветта сильно изменилась. Адамис чувствовал, что с ней происходит что-то не то, и всерьёз стал беспокоиться за свою возлюбленную. Началось всё с того, что она разлюбила их обычную небесную еду. Она, конечно, как и раньше, иногда утоляла его голод, но удовольствие от принятия пищи уже не получала. Ей всё время хотелось пробовать что-то новое, и она снова и снова тащила Адамиса в Магазин, где каждый раз покупала какой-то новый вид продуктов. Вообще, Иветта как будто стала менее воздушной, лёгкой, перестала радоваться жизни так же самозабвенно, как прежде. На все расспросы Адамиса отвечала, что должен же кто-то из них двоих думать о будущем. Он не понимал, почему «думать о будущем» означает обязательно ждать какой-то беды и отравлять этим себе жизнь. Лавочница же очень хвалила Иветту за практичность и предусмотрительность, считая эти качества самыми важными в человеке. Адамис надеялся, что со временем его подруге надоест готовиться к всевозможным несчастьям и она снова станет прежней весёлой и беззаботной Иветтой, но надеждам его не суждено было сбыться. Вскоре произошло то, что совершенно изменило их жизни...

* * *

– Любимая, проснись! – разбудил Иветту обеспокоенный голос Адамиса.

Она немедленно вскочила, подумав, что на них снова нападают голованы, и приготовилась бежать и прятаться в лес.

Этой ночью они легли спать на берегу Озера, где на них легко можно было напасть с неба. Чёрная стайка голованов действительно кружила неподалёку, но смятение Адамиса было вызвано вовсе не их появлением.

– Иветта, что нам делать? За ночь вся небесная еда исчезла, а новая до сих пор не выпала!

Пошарив рукой по земле, где раньше под слоем облаков всегда можно было найти душистый питательный снег, Иветта убедилась, что Адамис не ошибся: еды на самом деле больше не было. Небо тоже молчало, не желая разродиться вкусным снегопадом.

– Значит, Лавочница оказалась права, как я и боялась, – констатировала она.

Они позавтракали половинкой булки, оставшейся у Иветты с их последнего визита в Магазин.

– Хорошо, хоть роса никуда не исчезла! – проговорила Иветта с набитым ртом, запивая пищу водой, до верху наполнившей за ночь чашечку большого цветка.

– Но что нам делать дальше? – не успокаивался Адамис. – Еда ведь появится снова, правда?

– Нечего ждать у неба милостей! Пойдём в Магазин за продуктами! – изумилась его недогадливости Иветта.

* * *

Следуя за Иветтой к Магазину, Адамис пытался разобраться в своей душе. Больше всего его беспокоило то, что он перестал чувствовать себя лидером в отношениях с любимой. Ощущение полной беспомощности перед лицом новых изменений парализовало его волю, и он не мог больше принимать решения и нести за них ответственность. До этого Адамис критиковал Иветту за её практичность, но теперь, когда беда действительно пришла, сам он растерялся и не знал, как поступить, Иветта же со своей практичностью быстро сориентировалась и начала действовать. Адамис готов был признать, что любимая в чём-то была права, когда заранее готовилась к катастрофе. «Наверное, и в практичности есть какой-то смысл!» – подумал он, когда они уже подходили к «Сельхозпродмагу».

Лавочница, как всегда, сидела на своей скамеечке рядом с Магазином, но не дымила трубочкой, а ела семена каких-то незнакомых растений, выплёвывая чёрные очистки прямо на землю.

– А вот и мои дорогие покупатели! – проворковала она, когда Адамис с Иветтой подошли поближе. – Не желаете ли приобрести что-нибудь, мои сладкие? Какие-нибудь продукты? Йогурт? Сосиски? Устрицы?

– Нам бы хлеба и сыра, пожалуйста! – с ходу заявила Иветта.

– Конечно-конечно, милые, заходите поскорее в Магазин! – И она нырнула в маленькую дверцу. Влюблённые последовали за ней.

Узнав, что их небесная пища исчезла, Лавочница не удивилась, а только покачала головой, словно бы говоря: «Ай-ай-ай, а я ведь вас предупреждала!» Потом ласково погладила их обоих по голове и успокаивающе проговорила:

– Ну ничего-ничего, мои дорогие, хорошо, что у вас есть я, со мной вы не пропадёте. Я вас никогда не оставлю, не тревожьтесь!

Адамису с Иветтой стало тепло и уютно, словно бы большая курица-наседка взяла их, цыплят-несмышлёнышей, под своё крылышко. Хотелось ни о чём не думать, ни о чём не беспокоиться, а просто слушаться эту добрую толстушку, так пекущуюся об их благе.

Когда с покупкой продуктов было покончено, Лавочница вдруг предложила:

– А не желаете ли купить себе какую-нибудь обувь, мои хорошие?

– Что это такое – «обувь»? – спросил Адамис.

– Это такие штучки, которые надевают на ноги, чтобы было удобней ходить. Вот как у меня. – И она продемонстрировала свои большие чёрные лакированные туфли с красными бантами.

– Нам твоя обувь не нужна, спасибо, – ужаснулся Адамис, представив на своих ногах эти жуткие приспособления. – Я люблю ходить босиком, это так приятно!

– Когда земля станет жёсткой и будет ранить ваши нежные ножки, тебе будет уже не так приятно, – заметила Лавочница.

– Этого не может произойти! – воскликнул Адамис.

– Вот как? Разве земля уже не стала менее ровной, чем была раньше? Всё изменчиво в этом мире, нельзя доверять ему!

Адамис не знал, что возразить на эти слова. Ведь мир действительно менялся, и менялся не в лучшую сторону! Он снова подумал о том, что Иветта была права, когда говорила, что надо заботиться о будущем. А добрая Лавочница так беспокоится о них в отличие от мира, который преподносит им только неприятные сюрпризы. Надо верить этой хорошей сердечной женщине!

Ловкие руки Лавочницы тем временем уже вытащили откуда-то с полка две пары ботинок. Иветта принялась натягивать пару поменьше себе на ноги. Адамис же молча осматривал «благо цивилизации», как охарактеризовала обувь Лавочница. Он так и не понял, что такое «цивилизация», как она ни пыталась это объяснить. Ботинки были, конечно, получше, чем кошмарные туфли с бантами, но всё же Адамис не решился их надеть. Он просто связал их вместе шнурками и повесил себе на шею, решив до последнего ходить по земле босиком.

* * *

Шли они молча, думая каждый о своём. Иветта медленно ковыляла в новых башмаках, то и дело оступаясь и чуть не падая. Вскоре башмаки натёрли ей ноги, поэтому пришлось их снять и нести дальше в руках. Хорошо, что Лавочница дала им впридачу сумку, куда сложила купленные ими продукты. Туда же Иветта положила и свою обувь. Заметив, что она с трудом тащит сумку, Адамис молча забрал её ношу и понёс дальше сам. Несмотря на то, что теперь голод им не грозил, на душе у него было как-то мутно. Что ждёт их впереди? Какие новые испытания и невзгоды? Реальность переставала нравиться ему, жизнь казалась каким-то вечным тяжким бременем, как эта самая сумка с продуктами. Но куда уйти от неё? Однако как бы ни было ему сейчас тяжело, любимая не должна страдать от того, что страдает он сам. Она не должна видеть его, своего защитника и опору, в таком жалком виде. Адамис решил сделать свою душу невидимой для Иветты до той поры, пока снова не почувствует себя уверенным и сильным.

Иветта глядела на своего Адамиса, придавленного к земле тяжестью сумки, и ей было как-то не по себе. Её мучила мысль: а уж не она ли сама виновата в том, что всё это с ними произошло? Сейчас бы бросить весь этот груз и опять превратиться в беспечных и радостных существ, с лёгкостью идущих по жизни, любящих друг друга и этот прекрасный мир вокруг! Но беззаботно веселиться и играть Иветта почти совсем разучилась, ведь всё последнее время она только тем и занималась, что готовилась к будущим несчастьям. Когда её опасения наконец

сбылись и небесная еда исчезла, она и впрямь оказалась к этому готова. Но довольна ли она теперь, счастлива ли? Наверное, счастье придёт позже, как и обещает Лавочница. Ей можно верить, ведь она лучше знает жизнь, чем они. А может быть, смысл жизни вовсе не в том, чтобы быть счастливым, а в чём-то ином, им ещё не ведомом? В любом случае, зря она казнит себя за всё. Конечно, она ни в чём не виновата, она делала то, что было надо, и не её вина, что всё так получилось. Виноват кто-то другой, а вовсе не она. Мир, который они так любили, предал их... Главное, не показывать теперь Адамису своих сомнений, надо быть сильной ради него. Если будет надо, она скроет на время от него свою душу, чтобы он не видел её непозволительной слабости. Она сможет это, у неё получится, и всё у них опять будет как прежде!

Глава четвёртая

Горец

Он стоял, облокотившись на свою Стойку, и задумчиво глядел куда-то вдаль. Волнистые чёрные волосы с лёгкой проседью колыхал ветер, тёмные глаза сверкали из-под густых бровей. Увидев Адамиса с Иветтой, выходящих из леса на его полянку, он заволновался, вышел из-за Стойки и направился к ним, раскинув руки в жесте открытости и гостеприимства.

Когда Иветта впервые увидела его, идущего им навстречу с расставленными в стороны поросшими чёрным волосом ручищами, ей на миг показалось, что это какое-то чудище собирается напасть на них. Он весь был какой-то заросший и тёмный. Даже на лице его, между ртом и носом, были длинные волосы, которые он во время разговора имел привычку тереть и поглаживать. Как она позже узнала, такие волосы зовутся усами. Кожа его была более смуглой, чем у них, а нос – невероятно большим и загнутым книзу.

Даже Адамис, увидев его, слегка попятился, и только любопытство удержало его от немедленного бегства.

– Милости прошу к нашему шалашу! – воскликнуло чудище человеческим голосом. – Проходите, гости дорогие! Не стесняйтесь, не робейте, а вина весёлого отпейте!

Он вернулся за свою Стойку и теперь казался Иветте уже не таким страшным и диким.

– Кто ты такой и что хочешь от нас? – храбро спросил Адамис, сделав шаг навстречу.

– Я – сын гор, можно просто Горец, а это – моя Стойка. – И он широким жестом обвёл рукой странное сооружение, за которым стоял. – Я торгую вином. Кровь лозы – вино, оно для жизни нам дано!

– А что такое горы? – полюбопытствовал Адамис. – Я никогда не видел в нашем мире никаких гор.

– Вах-вах, джигит, не знаешь, что такое горы! Я вам щас песню спою. – И он запел, затянул неожиданно звонким и сильным голосом:

Слева горы, вай, вай,
Справа горы, вай, вай,
До чего ж красивый край.
А вина там, вай, вай
Только подливай, вай,
И красивую песню запевай.

– Только в горы мне вернуться уж не суждено! Только в вине горы увидеть мне суждено! – вдруг грустно добавил он.

– Почему? – удивился Адамис.

– Таков закон. Кто с гор однажды добровольно сошёл, тот в низине дом навечно обрёл, – ответил тот.

– Зачем же ты ушёл оттуда? – Адамис никак не мог понять этого странного человека.

– Мир повидать, себя показать! Какой любопытный! – Горец погрозил Адамису своим волосатым пальцем. – Много будешь знать, скоро состаришься!.. Попробуй вина, красавица, – обратился он вдруг к Иветте, достав из-за Стойки тёмную бутылку с красной жидкостью. – Вкусный вино, первый сорт! Что желаешь – увидишь, что желаешь – узнаешь, намного умнее станешь!

Иветта слегка растерялась от такого натиска и какое-то время не знала, что сказать.

– Что же я смогу узнать, если выпью твоего вина? – наконец спросила она.

– Добро, и зло, и тьму, и свет, и всё, что скрыто от людей, – продекламировал Горец. – Я принёс в дар человечеству истинное знание. Мои вина даже могут показать вам будущее!

– Зачем нам его видеть? – поинтересовался Адамис.

– Вай-вай, джигит, зачем себя и меня обманывать? – Сын гор пронзительно взглянул на него из-под лохматых чёрных бровей. – Разве ты не хотел знать свою цель? Когда узнаешь ты, что предначертано тебе судьбой, то вмиг поймёшь предназначенье в мире сём.

Адамис даже вздрогнул от такой пронизательности Горца и невольно опустил глаза. Тот попал в его больное место. Он уже давно мучился вопросом, кто он такой и для чего живёт в этом мире. Однако в том, чтобы получить знание так, как предлагал торговец винами, было, как ему казалось, что-то неправильное, что-то противоестественное. Полученное таким путём, знание уже не будет даром мира. Выйдет, что он взял его обманом или силой. Не обесценится ли тогда и само знание?

Адамис поднял глаза и сказал:

– Зачем торопить события? Я и так со временем узнаю своё предназначенье, для этого не обязательно заглядывать в будущее.

– Тот, кто бросает миру вызов и берёт от него, что и когда ему нужно, подобен джигиту, который укрощает строптивого коня и скачет на нём куда пожелает, а тот, кто смиренно ждёт от мира милостей, подобен собаке, которая, виляя хвостом, дожидается подачек от своего хозяина, а получает взамен одни пинки.

Адамис не очень понял сравнения Горца, но решил его больше не расспрашивать.

– Пойдём, Иветта, – обратился он к возлюбленной, собираясь уходить.

– Хорошо, хорошо, не хочешь будущее, давай настоящее, – засуетился Горец. – Хочешь себя как есть увидеть? Хочешь свою суть познать?

– Я познаю себя через мою любовь к Иветте. Мне хватает того, что я вижу себя в её глазах! – твёрдо ответил Адамис.

– Ты ведь не трус, джигит, да? – прищурился Горец. – Тот истинный мужчина на коне, кто не боится новых знаний о себе.

Иветте, до этого молча слушавшей разговор мужчин, но не очень понимавшей его суть, теперь стало любопытно, какую тайну о них хочет раскрыть им этот любитель складно говорить. Неужели его вино может помочь Адамису и ей по-настоящему познать самих себя? Честно признаться, Иветте хотелось взглянуть на себя со стороны, чтобы узнать свою истинную сущность. Видеть себя в глазах Адамиса, который её любит и поэтому пристрастен, ей было мало. Иветте нужно было чистое, объективное знание о себе.

– Я бы попробовала твоего вина, сын гор, – мечтательно сказала она.

– Молодец, красавица! Такой смелый женщина! Награда ждёт того, кто сердцем храбр и страх свой одолел.

Иветте стало приятно от похвалы Горца, Адамис же несколько смутился от того, что оказался менее решительным, чем его возлюбленная. Он тут же поспешил взять инициативу в свои руки.

– Хорошо, мы купим у тебя вина. Ты тоже отпускаешь в кредит, как Лавочница?

– Э, нет, какой хитрый, – улыбнулся Горец. – Никакой кредит, только обмен.

– Что такое «обмен»? – полюбопытствовал Адамис.

– Одну историю из жизни расскажи – и целый рог вина ты получи. Такой закон. Ты мне рассказ – я тебе вино. Честный обмен.

– Какую же историю ты хочешь услышать?

– Как ты свой красавиц повстречал, как Иветта впервые увидел.

– Хорошо, я согласен подарить тебе эту историю, если моя подруга не возражает.

Иветта была не против, ей уже не терпелось отведать волшебного напитка, дающего знание. Цена за это знание показалась ей совсем незначительной. Разве они потеряют что-то, если

поведают Горцу историю о том, как впервые узрели друг друга? Она молча кивнула в ответ на вопрошающий взгляд Адамиса.

Тот медленно повёл свой рассказ, стараясь максимально точно передать все свои чувства и мысли. Иветта иногда дополняла его своими воспоминаниями. Глаза Горца горели каким-то странным светом, как будто их воспоминания и чувства были для него самого пьянящим и сладким вином.

Наконец рассказ был окончен. Сын гор достал из-за стойки три загнутых, сужающихся книзу сосуда и разлил в них вино из бутылки. Один сосуд он подал Адамису, другой – Иветте, а третий взял сам.

– Выпьем же за знание и за свободу получать это знание! До дна! – провозгласил он и первым осушил свой сосуд. Адамис с Иветтой последовали его примеру.

* * *

Это было очень необычное ощущение. Адамис помнил только, что вначале вино обожгло гортань, затем внутри, в области живота, стало очень тепло, и это тепло начало постепенно разливаться по всему телу. Потом неожиданно что-то потянуло его вверх, и не успел он ничего понять, как почувствовал себя парящим на довольно большой высоте и с этой высоты взирающим на землю.

Адамис увидел двух обнажённых людей – мужчину и женщину, лежащих на земле рядом друг с другом. Он понял, что лицезрит себя и Иветту со стороны. Горец со Стойкой куда-то исчезли. Или Адамис просто перестал их замечать?

Тела людей были красивы, но душ он разглядеть не мог, как ни старался. Раньше Адамис, конечно, тоже видел их с Иветтой телесные оболочки, но никогда не акцентировал на них своего внимания, как не обращают внимания на что-то второстепенное, стараясь не упустить главное. Теперь же ощущение было такое, что его восприятие перевернулось, и главными оказались именно тела. На них хотелось смотреть, ими хотелось любоваться, их хотелось изучать. Этот новый взгляд был приятным и захватывающим, раскрывающим новые возможности для самопознания, но при этом почему-то казался Адамису не совсем правильным.

Залюбовавшись обнажённой Иветтой, он почувствовал, как в нём зарождается какое-то новое щемящее и сладостное чувство. Ему вдруг захотелось обладать этим телом полностью, без остатка. Что-то нестерпимо жгло его изнутри, туманя разум и затмевая все другие чувства и желания. Это была любовь, но не такая, какую он знал раньше – спокойная и ровная, – а горячая, жадная, ненасытная. Она была в чём-то сродни голоду. Адамису хотелось поглотить свою возлюбленную, вобрать её в себя, сделать своей частью. Он жаждал получать, а не отдавать. Всем своим существом потянулся он к любимой, желая обнять её и сделать своей навеки, и тут почувствовал, что просыпается...

Он лежал на земле рядом с Иветтой. Горец со своей Стойкой действительно куда-то исчезли. Иветта тяжело дышала, глаза её были открыты. Она смотрела на него, и взгляд её был такой жаркий, что Адамис сразу понял – её томил тот же огонь, что и его самого. Он слегка коснулся её предплечья, и она застонала, как будто он причинил ей нестерпимую боль. Его рука стала подниматься всё выше, лаская узкий локоток, потом маленькое округлое плечико, нежную шейку, исследуя каждый изгиб её тела, малейшую его впадинку или выпуклость. Он был словно слепой, у которого тактильные ощущения полностью заменяют собой зрение.

Иветта лежала неподвижно, иногда лишь слегка вздрагивая, когда рука Адамиса продолжала свой сладостный путь по её телу. Она прислушивалась к тем новым чувствам, что зарождались сейчас у неё в душе. Иветту тоже охватило страстное желание слиться с любимым, отдаться ему полностью, без остатка, стать его частью, раствориться в нём. Она сейчас совершенно по-новому ощущала собственное тело. Оказалось, что оно может повелевать, быть

господином, а не верным послушным слугой, как было раньше. И она не могла, да и не хотела противиться зову своей плоти.

Иветта первая не выдержала блаженной муки и бросилась в объятия любимого. Их тела переплелись в каком-то неистовом танце любви. Они с жадностью приникали друг ко другу, как томимый жаждой путник припадает к долгожданному роднику с чистой холодной водой.

Наконец, достигнув пика блаженства, они разжали объятия и оторвались друг от друга. Потом долго лежали в молчании, приходя в себя и пытаясь понять, что же с ними произошло.

Горец не обманул – Адамис с Иветтой действительно познали какую-то новую грань себя. Впервые они по-настоящему узрели свои тела и научились их любить. Однако оба они чувствовали страшное разочарование, как будто им было обещано великое благо, а взамен они получили всего лишь жалкую подделку. И хотя тела их были вымотаны до предела, они не чувствовали удовлетворения от насыщения своей страсти. Страсть на время утихла, но на её место пришла пустота. И каждый невольно винил другого в этой пустоте.

* * *

После того случая что-то неумолимо изменилось в отношениях возлюбленных. В разговорах они обходили эту тему стороной, хотя каждый часто думал о полученном ими новом опыте.

Адамису почему-то стала неприятна их с Иветтой нагота. Она перестала казаться ему естественной, и ему хотелось чем-то прикрыть их обнажённые тела. Он вообще старался не смотреть больше на плоть Иветты, пытаясь вновь научиться видеть лишь её душу. Однако это удавалось ему с большим трудом. При каждом невольном прикосновении к любимой он чувствовал, что в нём снова зарождается страстное желание обладать ею. Он боролся с этим желанием как мог, но понимал, что однажды не сможет больше противиться ему.

Иветта замечала, что Адамис пытается не глядеть на неё и не прикасаться к ней. И ей всё чаще и чаще стала приходить в голову мысль: «Неужели я настолько безобразна, что ему неприятен даже сам вид моего тела?» Она стала задумываться над тем, как она выглядит для Адамиса. Конечно, он её любит, в этом Иветта не сомневалась, но нравится ли она ему такой, какая она есть, вместе с телом и душой? Почему он избегает контактов с ней, почему не хочет снова слиться воедино, ведь им было так хорошо тогда? Или всё-таки лучше было бы вернуть прежние отношения, когда плоть отступала на второй план, и они любовались красотой душ друг друга? Иветта не знала ответы на все эти вопросы и мучительно пыталась разобраться в себе и своих отношениях с любимым. Но в результате лишь пришла к выводу, что единственный выход из положения – это ещё раз навестить Горца.

* * *

Сын гор как будто поджидал их. Когда влюблённые вышли на его полянку, он сразу же выскочил из-за своей Стойки и устремился им навстречу. Похлопал подошедшего к нему Адамиса по плечу и озорно подмигнул Иветте, отчего та сразу же залилась краской.

– Вижу, джигит, что стал ты настоящим мужчиной! Что наконец-то познал свой женщин! – И Горец опять запел свою песню:

Закипела молодая кровь,
Этой ночью родилась любовь.
Столько было жару и огня,
Но наутро сел он на коня.

– Да, всё так, – несколько смутился Адамис. – Но я не уверен, что это благо.

– Вай-вай, джигит, красавицы обнимешь тонкий стан, и улетишь от счастья прямо в рай! Как не благо любовь к женщине!

– Я и раньше любил Иветту, но эта новая любовь какая-то... – Адамис тщетно пытался подобрать слова.

– Какая-то неправильная, ты хотел сказать? – подсказал Горец.

– Не знаю, – честно признался Адамис.

– Вах, джигит, джигит! Зачем противиться своим желаньям? Они – часть нас самих! Ты юн и горяч, как молодой жеребец, так беги без оглядки к своей красавице-кобылице. Запомни мои слова, джигит: что естественно, то не может быть неправильно. Что выше и прекрасней может быть, чем в плоть едину связанным с любимой быть!

– Ты прав, сын гор, в желании слиться с любимым существом нет ничего низкого, но мне иногда кажется, что мы как будто опережаем события. Что если бы мы подождали, то могли бы познать друг друга как-то иначе.

– Всё это пустые страхи несмышлёного младенца, – отмахнулся Горец. – Даю бесплатный вам совет – отбросьте ложный стыд и следуйте себе.

– Но во мне борются разные стремления. Как узнать, какому из них следовать? – спросил Адамис.

– Поверь, джигит, работнику лозы: лишь та любовь права, что принесёт плоды.

– Какие же плоды может принести любовь? – вступила в разговор Иветта.

– Выпей моего вина, красавица, и ты сама увидишь эти плоды!

– Ты покажешь нам наше будущее, как и обещал?

– Я покажу вам мир, где люди не противятся плотской любви.

– И они счастливы?

– Вах, счастливы ли они? Там нет запретов и оставлен стыд, там пир свободы, счастья и любви!

– Дай мне твоего вина, Горец, я хочу увидеть этот мир! – воскликнула Иветта. Ей ужасно захотелось посмотреть на других людей, чтобы найти наконец свою утерянную тропу к счастью.

Адамис испытывал те же чувства, что и Иветта. Поэтому он, не колеблясь, принял предложение Горца.

И снова влюблённые рассказывали Горцу историю из своей жизни, и снова наполнял он вином странные сосуды, и снова они пили сладкий обжигающий напиток.

На какой-то миг оба потеряли сознание, а когда очнулись, то уже не чувствовали собственных тел. Перед их глазами менялся калейдоскоп оживших картинок.

Они видели множество разных совокупляющихся мужчин и женщин. Эти люди явно не противились стремлению своей плоти, а отдавались телесной любви с полной самоотдачей. Это был настоящий праздник тела. По лицам людей сложно было определить, счастливы ли они, но удовольствие от процесса они явно получали.

Потом картинки стали другими. Адамис с Иветтой наблюдали всё тех же людей, только теперь каждая пара не совокуплялась, а возилась с неизвестно откуда взявшимся маленьким человеком. Эти новые маленькие люди почти всё время вопили, ели или испражнялись, но большие люди рядом с ними казались по-настоящему счастливыми.

Маленькие люди с каждой новой картинкой росли, пока наконец не стали совсем большими. Потом они, в свою очередь, объединились в пары для того, чтобы предаваться телесной любви. Затем рядом с ними стали появляться новые маленькие люди, о которых они заботились больше, чем о самих себе.

В какой-то момент калейдоскоп картинок прервался, и Адамис с Иветтой почувствовали, что лежат всё на той же лесной полянке рядом друг с другом. Горец со своей Стойкой, как обычно, куда-то исчезли.

Глава пятая

Проповедник

Проповедник был внешне ничуть не похож на Горца. Казалось даже, что он – полная противоположность продавцу вин. Если сын гор был невысок ростом и волосат, то Проповедник был длинным и тощим, фактически лишённым всякой растительности на голове и лице. В отличие от весёлого и общительного Горца, он был задумчив и погружён в себя. Из-за его слегка сутулой спины казалось, что этот человек похож на знак вопроса – да он и представлял из себя как будто живой вопрос. Сидя на невысокой табуреточке рядом с Кафедрой и подперев голову рукой, он размышлял над никому не ведомыми тайнами бытия. Однако увидев Адамиса с Иветтой, он всё-таки оторвался от своих раздумий и взошёл на Кафедру. Не удостоив влюблённых словами приветствия, он сразу начал своё выступление.

Речь его была спокойной и ровной, лишённой всяких чувств и эмоций. Когда он говорил, Иветте временами чудилось, что это говорит не человек, а ветер, или дерево, или даже один из тех камней, которые иногда встречались им на берегу Озера. И тогда её душу пробирал какой-то внутренний холод и хотелось бежать без оглядки от этого странного существа. Ещё Иветте постоянно казалось, что Проповедник видит за их спинами множество других людей, ловящих каждое его слово. Тем более, что он всё время повторял в своей речи обращение «братья и сёстры». Пару раз она даже обернулась, чтобы посмотреть, не стоит ли за ней кто-то ещё. Но никого, кроме них двоих, на поляне не было. Иветта подумала, что, несмотря на очевидные различия, и Проповедник, и Горец, и Лавочница были чем-то очень похожи, словно были вылеплены из одного теста. Её не покидало чувство, что и этот человек вот-вот начнёт предлагать им с Адамисом что-то купить, но на этот раз чувства подвели Иветту – тот ни словом, ни жестом не показал, что хочет им нечто продать.

В своём чёрном длиннополом одеянии Проповедник выделялся тёмной кляксой на фоне полного красок мира. Иветта с Адамисом уже знали, что такое одежда. Лавочница объяснила им, зачем она нужна. «Одежда, мои милые, служит в первую очередь для того, чтобы защищать тело от холода и от чужих взглядов, – говорила она, – но, конечно, для нас, женщин, она значит намного больше. Когда-нибудь, моя дорогая Иветта, ты это поймёшь. И будешь приходить ко мне снова и снова за новой одеждой». Естественно, на все замечания Адамиса относительно того, что они даже не знают, что такое холод, Лавочница отвечала, что нужно всегда готовиться к худшему. Затем она снабдила их самыми необходимыми, на её взгляд, вещами. Впрочем, на этот раз Адамис был даже рад обновкам. Хотя одежда была неудобной и постоянно раздражала кожу, в ней было слишком жарко и она сковывала все движения, но был у неё один плюс – она прикрывала наготу их тел, чего так желал Адамис. Теперь он мог смотреть на Иветту без тайного внутреннего стыда, и сам чувствовал себя защищённым, словно был покрыт непроницаемым панцирем. Одежда ещё больше мешала видеть душу, но это было уже не важно – в последнее время влюблённые так привыкли скрывать свои души друг от друга, что лишнее препятствие ничего не меняло. Вообще, происходящие с ними изменения уже не пугали их так, как раньше.

Вот и на этот раз, слушая Проповедника и слегка почёсываясь под одеждой, Адамис думал о том, что появление нового существа его не слишком удивило. Перемены, казалось, стали неотъемлемой частью их мира. Удивило Адамиса не появление Проповедника, а то, что он говорил.

– Братья и сёстры! – изрекал тот. – Не уподобляйтесь тем, кто ведёт животный образ жизни, в чьём существовании нет никакого смысла, кто ничего не делает на благо Общества, а живёт лишь в своё удовольствие. Не забывайте о своём долге перед Человечеством и Родиной, о том, что люди не должны принадлежать самим себе, а обязаны кому-то или чему-то

служить. Надо всегда думать о будущем, а не жить сегодняшним днём, иначе это приведёт вас к катастрофе.

Проповедник постоянно употреблял непонятные для Адамиса слова: «общество», «долг», «человечество», «родина» и так далее. В устах этого человека, вещающего с Кафедры, они звучали очень возвышенно, и Адамис подумал, что, должно быть, это какие-то очень важные слова, значение которых он просто обязан выяснить.

Наконец Проповедник умолк и воззрелся на своих слушателей, словно ожидая от них чего-то очевидного. Заметив, что они молчат, не решаясь заговорить, он ободряюще кивнул им и сказал:

– Можете задавать мне свои вопросы, братья и сёстры.

– Добрый день! – вежливо поздоровалась с ним Иветта. – А ты кто?

– Я – Проповедник! – с достоинством ответил Проповедник, пригладив рукой редкие волосы на голове. – А это моя Кафедра, – указал он на Кафедру. – Я поднимаюсь на неё, чтобы проповедовать.

– Зачем ты появился у нас? – спросил Адамис.

– Я несу свет просвещения в мир. Мой долг – напомнить вам о вашем долге.

– Что такое долг? И почему о нём надо напоминать? – продолжал задавать вопросы Адамис.

– Долг – это когда кто-то у кого-то что-то взял попользоваться на какое-то время, но потом должен вернуть или как-то отработать это что-то. Люди часто забывают, что пользуются не принадлежащими им вещами, поэтому им надо всё время напоминать об их долге.

– Но мы ни у кого ничего не брали и ничем чужим не пользуемся! – возразил Адамис.

– Ошибаетесь. Например, ваши жизни вам не принадлежат. Значит, вы их у кого-то одолжили.

– Но, может быть, нам их просто подарили? – спросила у Проповедника Иветта.

– Глупости, в этом мире никто никому ничего не дарит, все только дают взаймы или продают. Неужели вы этого ещё не поняли?

Адамис с Иветтой не знали, что на это возразить. На первый взгляд слова Проповедника казались истиной.

– Запомните, братья и сёстры, у каждого человека с рождения есть долг перед Обществом, – продолжал тот. – Ведь все мы, люди, – общественные животные.

– А что такое «Общество»? – поинтересовалась Иветта.

– Общество – это группа людей, живущих вместе и объединённых одной общей целью.

– А мы с Адамисом – это Общество?

Проповедник на секунду задумался, но потом уверенно ответил:

– Нет. Двое – это ещё не Общество. К тому же, хотя вы и живёте рядом, у вас нет совместной цели.

– Но если у нас нет Общества, – заметил Адамис, – значит, у нас не может быть и долга перед ним.

– Ваш долг, братья и сёстры, – создать Общество, а потом служить ему, – ничуть не смутившись, ответил Проповедник.

– Как же мы можем создать это самое Общество? – спросила Иветта.

– Вы просто должны всем сердцем пожелать, чтобы оно возникло, и ваше желание рано или поздно сбудется. Но произойдёт это только тогда, когда в вашей жизни появится Смысл.

– В нашей жизни уже есть смысл! Разве любить друг друга и мир – это не является достойным смыслом жизни человека? – допытывался Адамис.

– Конечно же, нет! – с едва скрываемым возмущением проговорил Проповедник. – Нужно оставить какой-то след в этом мире, чего-то достичь. Любовь должна приносить видимые плоды.

Иветта вспомнила, что похожие слова говорил им и Горец перед тем как показать маленьких людей. Сердце её сжалось от неизведанной ранее сладкой боли, когда она вспомнила об этом видении. Конечно, она мало что поняла тогда. Всё увиденное показалось ей таким странным и непонятным, и вопросов было больше, чем ответов. Но она чувствовала – что-то очень важное должно произойти в её жизни. Какая-то новая любовь уже начала проклёвываться в душе. Может быть, эта любовь сможет вознести Иветту к неведомым ранее высотам?

– Но что мы можем сделать? Как нам жить, чтобы в нашей жизни появился Смысл? – вскричала Иветта, надеясь от этого кажущегося таким умным человека получить ответы на мучающие её вопросы.

– Посвятите себя науке или искусству, защищайте окружающую среду или боритесь за права человека, занимайтесь общественно-политической деятельностью или благотворительностью! – уверенно говорил Проповедник. – Да мало ли полезных и нужных занятий, на которые стоит потратить свою жизнь. Я вот, например, занимаюсь просветительством тех, кто прозябает во тьме неведения. Поэтому по праву могу называться Человеком с большой буквы, чего и вам желаю.

– Расскажи нам, пожалуйста, про все эти занятия! – попросил Адамис. Ему было очень интересно узнать, что же надо такое сделать, чтобы называться Человеком с большой буквы.

Проповедник задумался, подперев рукой свою большую умную голову с редкими прядями волос.

– Всё это – проявления человеческой культуры. Поэтому в первую очередь вы должны понять, что такое культура и для чего она нужна, – рассудил он. – Без преувеличения могу сказать, что бескультурный человек – это и не человек вовсе.

– Почему же нам так нужна культура, чтобы быть людьми? – удивилась Иветта.

– Культура создаёт как бы вторичный мир, вторичную реальность, – слегка покачиваясь взад-вперёд, рассказывал Проповедник. – Это искусственная система символов, с помощью которой мы очеловечиваем тот мир, в котором живём. Через призму культуры мы познаём этот мир и себя самих, она помогает нам находить общий язык с другими людьми.

– Я не понимаю, зачем нам нужна вторичная реальность и искусственная система символов, чтобы познавать мир? Ведь можно это делать непосредственно, не прибегая к помощи культуры! – возразил Адамис.

– Боюсь, что для вас это уже невозможно, – вынес свой вердикт Проповедник. – Разве вы не заметили, что мир стал чужим, далёким и даже враждебным? Он отторгает вас от себя, вы больше не являетесь с ним одним целым, а следовательно не можете познавать его непосредственно. Вам остаётся лишь одно – создать некую внешнюю надстройку, некий инструмент, с помощью которого можно будет сформировать новые отношения с миром. Эта надстройка или инструмент и называется культурой.

– Но не разъединит ли культура нас с миром ещё больше? – заволновалась Иветта. Ей было горько думать, что мир, который она всё ещё любила, стал чужим и даже враждебным. Неужели это навсегда? Неужели ничего уже нельзя изменить? Где-то на краю сознания она понимала, что по большей части сама виновата в этом разрыве, но упорно не желала этого признавать и поэтому перекладывала свою вину то на обстоятельства, то на неизвестного ей судьботворца, то даже на Адамиса.

– Разъединит ли культура вас с миром или, наоборот, сплотит – зависит от вас самих, – ответил Проповедник на вопрос Иветты. – В любом случае вы не будете чувствовать себя обездоленными, лишёнными чего-то жизненно важного. У вас будет, чем заполнить ту пустоту, что образовалась сейчас в ваших душах. Поверьте, это очень увлекательно – участвовать в основании новой культуры!

Адамиса поразила пронизательность Проповедника. Он наконец осознал, что так мучило его последнее время – ощущение пустоты в душе, которую он ничем не мог заполнить. Может

быть, Проповедник прав, и культура не такая уж бесполезная вещь, как ему показалось сначала? Из слов этого человека Адамис понял, что культура – это что-то вроде костылей, которые помогают хромоту человеку ходить. Он вспомнил, как однажды в Магазине Иветта углядела какие-то странные палки и спросила у Лавочницы, что это такое. Та объяснила, как могла, их предназначение. Тогда Адамису показалось в высшей степени странным, как может человек разучиться ходить самостоятельно, без специальных подпорок. Но сейчас он вдруг почувствовал себя таким человеком. Конечно, его тело всё ещё могло само передвигаться по земле, а вот душа... Душа как будто стала хромой и нуждалась в костылях. Лишь бы всё, о чём говорит Проповедник, было временной мерой и когда-нибудь их души снова научились ходить самостоятельно!

– Но друг друга мы уж точно можем познавать без всякой культуры! – уверенно заявила Иветта.

– Ошибаетесь, братья и сёстры! Поразмыслите, и вы поймёте, как трудно вам порой понять другого. Культура поможет вам навести мосты между вашими разошедшимися душами.

Адамису с Иветтой стыдно было посмотреть друг другу в глаза. То, что сказал Проповедник, было горькой правдой. Куда делось их бывшее единство, когда они без слов понимали друг друга? Раньше они были одним целым, чувствовали все порывы души другого. Их сердца часто вели безмолвные беседы, когда уста молчали. Для них не существовало расстояния и времени. Но постепенно и как-то незаметно для обоих каждый начал скрывать свою душу от другого, и теперь, хотя бывшая любовь между ними ещё не умерла, их единство было разрушено.

– Кроме того, вы не только утратили связь с миром и друг с другом, но и стали до некоторой степени чуждыми самим себе, – продолжал Проповедник. – Раскол произошёл и в вас самих – это раскол душевного чувства и ума. Если вы внимательно понаблюдаете за собой, то поймёте, о чём я вам говорю. Разве всегда чувства и разум действуют согласно в вашей душе? Поэтому и тут вам без культуры никак не обойтись. Она вам просто необходима теперь для самопознания.

Адамис опять почувствовал, что Проповедник прав. В нём самом, действительно, уже нет той целостности, которую он ощущал раньше. Как будто какие-то части его души стали расходиться в разные стороны, и он никак не мог удержать их вместе. Значит, культура способна вновь склеить их воедино?

– Культура, конечно, не может полностью скрепить ум и сердце, – как будто отвечая на безмолвный вопрос Адамиса, проговорил Проповедник, – но она может в какой-то степени компенсировать этот разрыв, сделать его менее болезненным.

– Похоже, ты прав, и нам действительно не обойтись без культуры, – признал Адамис. – С чего ты посоветуешь нам начать?

– Если вы хотите познавать этот мир, братья и сёстры, советую вам освоить науку. Ею занимались многие великие люди. Путь рассудочного познания медленный, но верный, – проговорил Проповедник.

– Расскажи, что такое наука! – попросила Иветта.

– Наука – это деятельность, направленная на изучение окружающего нас мира.

– Значит, мы уже занимаемся наукой, ведь мы постоянно исследуем и изучаем наш мир! – обрадовался Адамис.

– Какая же это наука! – возмутился Проповедник такому вопиющему невежеству своих слушателей. – Ваши наблюдения субъективны. Наука же имеет дело с объективными фактами, то есть с такими фактами, которые можно проверить. Она анализирует, систематизирует и обобщает эти факты и на их основе строит теории, объясняющие вещи и явления окружающего мира. Наука как бы раскладывает мир по полочкам, препарирует его, чтобы докопаться до основ всего сущего.

– Что означает «препарировать»? – спросила Иветта.

– Препарировать – значит расчленять, дробить что-то на мелкие части.

– Мне жалко дробить этот мир, ведь он такой красивый! – воскликнула Иветта.

– Но без этого, братья и сёстры, вам никогда не узнать причин всех вещей, – объяснил Проповедник.

– Это моя мечта – узнать причины всех вещей! – страстно проговорил Адамис. – Расскажи поподробней, как наука это делает? Я давно хочу понять, почему, например, существуют деревья?

– Для этого в первую очередь нам надо свалить одно дерево, распилить его на части и посмотреть, что у него внутри, – объяснил Человек с большой буквы.

– Какой ужас! Ведь тогда оно уже перестанет существовать, мы уничтожим его! – в негодовании вскричала Иветта.

– Для науки это не важно, братья и сёстры, деревьев ведь много. Зато мы узнаем, как они устроены, – спокойно возразил ей Проповедник.

– Не проще ли спросить у самого дерева, как оно устроено? Иногда я сажусь рядом с каким-нибудь деревом, как бы сливаюсь с ним воедино, и оно раскрывает мне свои секреты, – сказала Иветта, вспоминая, как в первый раз сроднилась своей душой с душой дерева. Это было так захватывающе прекрасно! – Но для этого надо обязательно полюбить это дерево, – продолжила она задумчиво. – А иначе оно никогда тебе ничего не расскажет.

– В науке нет места чувствам! – строго осадил Иветту Проповедник. – Полученное таким образом, твоё знание не будет научным. Ведь оно непроверяемо. Наукой не доказано, что деревья могут раскрывать кому-то свои секреты. Может, это всего лишь плод твоего воображения. Если бы это можно было зафиксировать с помощью какого-нибудь прибора, тогда другое дело!

– Моя душа зафиксировала этот опыт, и я могу поделиться им с другими, например, с Адамисом, – возразила Иветта.

– Наличие души вообще не доказано наукой. Её ведь нельзя расчленить и узнать, что у неё внутри. Её невозможно даже увидеть, потрогать или исследовать с помощью приборов, – растолковывал им Проповедник.

– Но мы видим души друг друга! – не отступала Иветта.

– Вы в этом уверены?

Адамис с Иветтой смутились. Они давно уже не видели душ друг друга. И теперь, попытавшись вернуть былое зрение, они потерпели неудачу.

Проповедник возликовал:

– Вот видите, душу нельзя увидеть, когда вам этого захочется, значит её нельзя сделать предметом научного исследования! Поэтому для науки её не существует.

– Но я знаю, что у меня есть душа. Я чувствую её! И для меня очень важно, что она существует! – заволновалась Иветта. Ей совсем не хотелось признавать отсутствие души у себя или Адамиса.

– Ещё раз повторяю, братья и сёстры, – терпеливо растолковывал Проповедник, – в науке нет места чувству. Она предельно рационалистична.

– Допустим, расчленив дерево, с помощью науки мы поймём, *как* оно устроено, – вернулся к предыдущей теме беседы Адамис. – Но может ли ваша наука дать ответ, *для чего* существует это самое дерево? Каково его предназначение и цель в этом мире?

– Боюсь, что пока это знание науке недоступно, – признал Проповедник.

– А ты говоришь, что наука позволяет узнать причины всего! Какой смысл ею заниматься, если она в лучшем случае даёт ответ на вопрос «как» и не даёт ответы на вопросы «почему» и «зачем»? – разочарованно проговорил Адамис.

– Знать, «как», – это уже очень много, братья и сёстры! Возможно, со временем наука сможет ответить и на вопрос: почему и для чего существует этот мир? Всё ещё впереди.

– Вряд ли ей это под силу, – усомнился Адамис. – Даже если она сможет расчленить весь мир на кусочки!

– Вы ещё слишком неопытны и наивны, чтобы узреть всё величие науки, – подняв свой перст к небу, произнёс Проповедник. – Но ничего, у вас ещё всё впереди. Поверьте мне, братья и сёстры, когда-нибудь, когда вы устанете от ощущения неопределённости и непредсказуемости этого мира, вы сами обратите свои взоры к науке и другим формам культуры. Всё это только лишь вопрос времени. – Сказав это, он погрузился в какие-то свои мысли, словно и вовсе забыв об их присутствии.

Адамис с Иветтой постояли немного, ожидая продолжения речи, но поняв, что ничего не дождутся, тихонько ушли с поляны, где возвышалась Кафедра со стоящим на ней странным существом в длиннополой чёрной одежде. Мир вновь засверкал для них своими красками, и влюблённые на время забыли о существовании чёрного цвета.

Глава шестая

Неверность

Однажды Иветта ни с того ни с сего завела необычный разговор.

– Скажи, Адамис, я красивая? – спросила она.

Прежде чем ответить на её вопрос, Адамис внимательно оглядел свою возлюбленную. Она предстала пред ним, наряженная в какие-то чудные тряпки, очевидно, купленные без него у Лавочницы. Тряпки эти были на редкость непрактичные – все в разрезах, полупрозрачные и едва прикрывающие тело Иветты, – так что вряд ли были способны защитить от холода. Зачем она только их на себя напялила? А лицо его любимой было раскрашено почти так же, как у Лавочницы. Неестественно алые губы, подведённые чем-то чёрным глаза – всё это вызывало отвращение и брезгливость, и Адамису захотелось заставить Иветту тотчас же смыть с себя всю эту гадость. Но он сдержал себя, понимая, что она не просто так всё это с собой сделала, и он смертельно обидит её, если критически отзовется о её перевоплощении.

– Конечно, ты красивая, Иветта, почему ты об этом спрашиваешь? – Адамис покраснел и отвёл глаза. Наряд Иветты начал странным образом действовать на него – в душе, несмотря на брезгливость, вновь начал загораться огонь телесной страсти. Ему стало стыдно и неприятно от того, что он вновь видит в Иветте одну только плоть.

– Отчего же ты тогда не хочешь смотреть на меня? Неужели я тебе противна? – заметив странную реакцию возлюбленного, допытывалась Иветта.

– Для меня ты самая красивая женщина в этом мире! – честно ответил он, в очередной раз справившись с желанием.

– Да я ведь в этом мире одна-единственная женщина и есть! В этом-то и заключается проблема. Откуда ты знаешь, что я красивая, если тебе не с кем меня сравнить? – почти закричала Иветта.

– Ну, я просто знаю и всё. Я ведь люблю тебя, Иветта!

– Вот именно! Ты меня любишь, а значит необъективен.

– Что же ты тогда от меня хочешь? – Адамис непонимающе уставился на подругу.

– Да я и сама не знаю! – плаксиво-раздражённым голосом ответила она и отвернулась.

В последнее время Иветта всё чаще стала обращать внимание на своё тело. Горец говорил, что тело надо изучать так же, как и душу, что это такое же самопознание, а значит в этом ничего плохого нет. С того раза, когда влюблённые впервые познали свои тела, у них больше не было телесной близости. Адамис почему-то не хотел повторения этого опыта, а Иветта не настаивала, но в душе мучилась от сомнений и противоречивых чувств. Ей казалось, что всё дело в ней – что она недостаточно хороша для Адамиса. Порой, когда он не видел её, она подолгу изучала собственное тело и даже купила у Лавочницы зеркало, чтобы можно было рассмотреть себя со стороны. От изучения тела в ней зародилось стремление быть желанной и привлекательной для Адамиса. Но как этого достичь, она не знала. По совету Лавочницы Иветта надела не себя эту неудобную одежду и размалевала лицо, но, похоже, всё это не впечатлило Адамиса. Он по-прежнему избегает телесных контактов с ней. Неужели она совсем ему не нравится? Или он просто стыдится своих чувств к ней? Но как бы всё-таки узнать про себя правду?

Иветта решила одна пойти к Горцу и спросить у него совета. Похоже было, что он неплохо разбирается во всём, что касается телесной любви и красоты.

– Вах, красавица, какой приятный сюрприз! – Горец как всегда был приветлив и весел.

– Почему ты называешь меня красавицей? Я действительно красива? – придирчиво спросила Иветта.

Горец рассмеялся гортанным смехом. Но вдруг глаза его затуманились, и в них отразилась какая-то вечная неизбывная печаль.

– О, ты прекрасна, дочь земли, как ты прекрасна! – нараспев проговорил он, словно вспоминая что-то давно забытое. – Глаза твои словно озёра синие, скрытые под сенью плакучих ив. Волосы твои – бурлящие водопады, низвергающиеся с горных вершин, зубы твои – белые водяные лилии, устилающие гладь лесных прудов. Подобны алой заре губы твои, и уста твои манят путника, словно колодец среди пустыни. Как половинки спелого граната – щёки твои, и стан твой тоньше копытца молодой серны. О Иветта, прекраснейшая из женщин, – дочь и мать, невеста и жена!..

Иветта замерла, внимая этим странным и немного непонятным словам. Она и не знала, что Горец способен говорить так красиво и возвышенно, а может быть, говорил вовсе и не он? Ей почудилось, будто слова эти предназначены не ей, а какой-то другой женщине, или ей, но иной – той, которой она была когда-то, или той, которой она должна стать. Древней неразгаданной тайной дышали эти слова, унося Иветту за грань этого мира.

Но тут Горец словно очнулся и вновь превратился в задорного и хитрого продавца вин.

– Любой джигит, что на ногах стоит, от чар твоих, Иветта, не устоит! – закончил он совсем уже на другой ноте.

– Почему Адамис никогда не говорит мне таких слов? Мне было бы приятно услышать их из его уст, – тихо сказала Иветта.

– Вай-вай, не грусти, красавица! Однажды Адамис увидит в тебе женщину, поверь мне.

– Но как это возможно, если Адамис всеми силами сопротивляется этому?

– Испей вина из кубка ты любви, с другим мужчиной счастье обрети!

– Как же так? – растерялась Иветта. – Ведь я люблю одного Адамиса, мне никто другой не нужен!

– Чтоб женщину в себе тебе найти, увидеть надо страсть в глазах мужчин! Тогда и Адамис тебя узрит, и отношения это оживит! – сказал Горец.

– Но я не хочу обманывать Адамиса! – вскричала Иветта.

– Какой обман, послушай? Коль не обмолвишься сама о том, что было, то не обманешь ты любимого мужчину.

Увидев сомнение в глазах Иветты, Горец продолжил свои уговоры:

– Всё будет происходить не по-настоящему, красавица, а значит обмана в этом не будет! Игра всего лишь это, или сон, к реальности ведь не имеет отношения он. Зато потом ты будешь точно знать, как разбудить огонь в любых сердцах!

Иветте очень хотелось почувствовать себя настоящей женщиной. Действительно, что плохого в том, чтобы немножко поэкспериментировать и пообщаться с другим мужчиной? Она абсолютно уверена в своих чувствах к любимому, и никто не заставит её зайти слишком далеко в отношениях с кем-то другим. Это будет просто невинная игра! Потом она, конечно, всё расскажет Адамису, и они вместе посмеются над этим приключением. Адамис будет счастлив рядом с ней, все его сомнения и тревоги улетучатся, и ничто больше не омрачит их жизнь!

В качестве оплаты Горец потребовал рассказать о том, что она испытывала, когда Адамис впервые познал её. Сгорая от стыда, Иветта поведала продавцу вин все подробности того случая. И опять она почувствовала, как будто её любви к Адамису стало чуточку меньше, чем было раньше, как будто она отдала её в обмен на вино Горца. «Это в последний раз! – пообещала себе Иветта. – Больше я никогда не обращусь к нему за помощью».

* * *

Чудесный напиток подействовал тотчас же. Иветта не успела даже вскрикнуть, как потеряла сознание и упала на землю. Очнувшись, она поняла, что находится совсем в другом месте. Тут было много света и цветов, звучала нежная музыка и всюду за маленькими столиками парами сидели мужчины и женщины в красивых ярких нарядах.

Иветта тоже сидела за таким же столиком, и на ней было длинное облегающее платье цвета чайной розы, а шею украшало ожерелье из бледно-розовых камушков. Густые волосы цвета мёда были собраны на затылке в тугий узел, подчёркивающий правильный овал её лица. Рядом с нею сидел черноволосый молодой мужчина в безукоризненном смокинге и белой крахмальной сорочке. Она смутно помнила, что зовут его, кажется, Аполлонием, и они познакомились пару дней назад, когда столкнулись в вестибюле отеля, куда она приехала провести свой небольшой отпуск.

– Простите меня, мадемуазель, за мою дерзость – за то, что я осмелился нарушить ваше одиночество, – говорил мужчина. – Но у меня есть оправдание – увидев вас впервые, я был так поражён вашей красотой, что вот уже два дня не могу ни есть, ни пить, ни спать. Мысли мои всё время возвращаются к нашей встрече. Когда я заметил вас сегодня в ресторане, то был не в силах побороть себя, и решился, невзирая на явное нарушение правил приличия, предложить вам свою скромную компанию.

Аполлоний был молод и красив, его большие оленьи глаза с томной поволокой смотрели так умоляюще, а голос был такой бархатистый и чарующий, что Иветте не захотелось прогонять их обладателя. Почему бы не провести вечер в компании этого милого молодого человека, раз уж он так домогается её общества? Ведь ей всё равно нечего делать сегодня, и этот ужин ни к чему её не обяжет. В глубине сознания промелькнула мысль, что ей по какой-то причине не стоит этого делать, что кто-то другой, любимый и очень дорогой, где-то далеко ждёт её, но Иветта отогнала эту мысль, как назойливого комара. Ей не помешает маленькое невинное приключение на отдыхе, а после она забудет дерзкого юношу навсегда.

Аполлоний тем временем рассыпался в самых изысканных комплиментах, всё больше и больше усыпляя бдительность Иветты. Наконец подали ужин и бутылку сухого красного вина. Вино, аромат экзотических южных цветов и плавная речь Аполлония постепенно туманили сознание Иветты, разжигая в ней чувственность и заставляя забыть обо всём на свете. Вот уже рука Аполлония накрыла её руку. По телу Иветты пробежала сладостная дрожь.

Молодой человек пригласил её на танец, и они закружились в медленном вальсе. Аполлоний обнимал Иветту за талию и шептал в ушко какие-то нежные слова, а она смеялась и играла с ним, то раззадоривая его пыл многообещающими намёками, а то превращаясь вдруг в неприступную и холодную как лёд недотрогу. Она вела себя так легко и естественно, как будто всю свою жизнь только тем и занималась, что флиртowała с разными мужчинами. Всё получалось само собой, и Иветта всей душой наслаждалась атмосферой праздника и упивалась вниманием обаятельного юноши.

Разгорячённые танцем и романтической игрой, они вышли на террасу, чтобы немного освежиться. Вокруг не было ни души, воздух был напоён запахами южной ночи, солёного моря и сладким благоуханием обвивающих перила террасы роз. Юноша властно притянул её к себе, и его губы стали медленно приближаться к её губам. У Иветты не было ни сил, ни желания сопротивляться...

* * *

Она проснулась одна на поляне Горца. На губах всё ещё горел поцелуй Аполлония, а сердце готово было выпрыгнуть из груди от обуревавших её эмоций. С этим мужчиной она впервые почувствовала себя желанной и любимой, и ей страстно хотелось немедленно повторить этот опыт, вернуть те чудесные мгновения, которые она пережила. Но ко всему этому примешивались жгучий стыд и чувство вины. Иветте казалось, что своим поступком она предала Адамиса, и теперь навеки потеряла его. Ощущение непоправимости утраты, боль от того, что нельзя вернуть прошлое, отрезвили её. В душу закрались сомнения: любил ли её Аполлоний, или ей только так показалось из-за того, что он говорил ей красивые слова и нежно смотрел на неё? Какая-то фальшь и пошлость сквозили во всём, что он делал, – теперь она поняла это. Как она могла поверить ему и подпасть под его чары?

Что она теперь скажет Адамису, как посмотрит в его любящие и честные глаза? Она должна немедленно всё ему рассказать! Может быть, он простит её и тем смоет с неё вину за этот проступок?

Но тут внутри Иветты зазвучал вкрадчивый убеждающий голос, чем-то похожий на голос Горца. Он говорил ей: «Зачем ты мучаешь себя из-за какого-то пустяка? Ведь всё это происходило не по-настоящему и не может иметь никаких последствий в реальном мире. Аполлоний – всего лишь плод твоей фантазии, воплотившаяся мечта, ты не относилась к нему серьёзно. Да и Адамис виноват во всём не меньше тебя. Ведь он сам толкнул тебя на этот поступок своей холодностью и тем, что уделял тебе недостаточно внимания. Значит, тебе не в чем себя винить. В конце концов, ты пошла на это ради его блага и счастья! Рассказав Адамису про своё приключение, ты только расстроишь его и навеки разрушишь ваши отношения. Для него же лучше будет, если ты сделаешь вид, что ничего не произошло. Зато теперь ты приобрела бесценный опыт, почувствовала себя настоящей женщиной и сможешь подарить любимому больше счастья, доставить ему истинное наслаждение. Разве тебе не этого хотелось?»

Иветте нравилось слушать этот голос, который успокаивал её совесть и заставлял смотреть на свой поступок совсем с иной точки зрения. Оказывается, она чуть ли не героиня, пожертвовавшая собой ради любимого. Думать так было приятно, и она решила пока ничего не рассказывать Адамису.

* * *

Адамис смотрел на свою Иветту и ему казалось, что рядом с ним находится какая-то чужая, совсем не знакомая ему женщина. Внешне вроде бы ничего в ней не изменилось, но глаза её стали тусклыми и безжизненными. Она была скорее похожа на заводную куклу из Магазина Лавочницы, чем на живого человека. Иветта вела себя как прежде, весело болтала и смеялась, а от неё при этом веяло невыносимой искусственностью и фальшью. Адамису стало страшно, и он поспешил под каким-то пустяковым предлогом уйти подальше от этой незнакомки.

Он шёл по лесу, думая о том, что же такое могло произойти с его любимой, пока случайно не вышел на полянку Горца.

– Что головушку буйную повесил, джигит? – ещё издали закричал торговец винами, углядев Адамиса.

– А, Горец, это ты, – очнулся от своих мыслей Адамис и подошёл поближе к Стойке. – Я думаю об Иветте. По-моему, с ней произошло что-то очень плохое, но она почему-то скрывает это от меня и оттого глубоко несчастна. А я не знаю, как ей помочь.

– Ты прав, джигит, твоя Иветта чувствует себя несчастнейшей из женщин. Она недавно приходила ко мне и жаловалась, что ты недостаточно её любишь.

– Вот как? – удивился Адамис. – Почему же она ничего не сказала об этом мне?

– Есть вещи, джигит, о которых женщины не говорят, предоставляя мужчине самому догадаться о том, что лежит у них на сердце, – задумчиво проговорил сын гор, теребя свой ус. – Загадка сердце женщины, поверь, и тот счастливец, кто туда откроет дверь!

– Я, оказывается, так мало знаю о женщинах. Расскажи мне, Горец, что мне надо делать, чтобы Иветта была счастлива!

– Наука та сложна! Вах, трудно новичку добиться в ней плода! – покачал головой торговец винами. – Ты должен доказать ей свою любовь, джигит.

– С чего же мне начать? – растерялся Адамис. Он вдруг почувствовал себя абсолютно беспомощным и неспособным хоть что-то предпринять. Он готов был защитить Иветту от любых опасностей, но теперь, когда оказалось, что она несчастна из-за него, он совсем сник и потерялся.

– Путь к сердцу женщины ухабист и тернист, лишь храбрецы получают первый приз! Но не робей, джигит, я помогу тебе, – воодушевил его Горец. – Выпей вина из этой бутылки, и ты сделаешь первый шаг на этом пути.

– Каким образом твоё вино поможет мне вновь сделать Иветту счастливой? – усомнился Адамис.

– Познаешь женскую ты сущность без прикрас, поймёшь, что нужно женщинам от нас, – объяснил Горец.

– Наверное, лучше будет просто сказать Иветте о том, что я люблю её больше всего на свете и очень хочу, чтобы она была счастлива! – Адамис всё ещё сомневался в том, что Горец сможет помочь в его беде.

– Вах, джигит, какой же ты мужчина, если не способен пойти на жертву ради своей женщины! Ты должен сделать это ради Иветты! – горячо воскликнул сын гор.

Его слова задели Адамиса за живое. Конечно, он готов был ради счастья любимой пойти на всё, что угодно. Если это единственный способ доказать свою любовь – он выпьет этого вина!

– Я согласен! – решительно заявил Адамис.

* * *

Он сидел за столиком в полутёмном зале, освещённом лишь приглушённым светом, льющим из светильников-шаров, свисающих с потолка. На небольшом полукруглом возвышении спиной к нему неподвижно стояла черноволосая девушка в длинном красном платье с широкой юбкой, украшенной воланами. Несколько лучей прожекторов сходились на ней, выхватывая из темноты волнительные контуры её точёной фигурки.

Но вот зазвучали первые робкие звуки музыки, и незнакомка начала свой танец. Сначала движения её были очень медленные и плавные – она была похожа на гибкую тростинку, откликающуюся на нежные прикосновения ночного бриза. Но вот музыка заиграла быстрее, и танец девушки стал подобен игре языков пламени, опаляющих своим жаром всё, что попадает на их пути.

Адамис вспомнил, что девушку зовут Эроссита и он уже несколько вечеров подряд приходит сюда, чтобы полюбоваться на её знойный танец. Эта жгучая красавица совсем не походила на нежную Иветту. Всё в ней было – огонь и страсть. Декольте приоткрывало пышную упругую грудь. Осиная талия плавно переходила в крутые бёдра. Густые волосы чёрным крылом ложились на открытую спину с манящей ложбинкой между лопатками. Влажные тёмные глаза затягивали в омут горячий, неконтролируемой страсти. Казалось, что земля плавится от жара под её ногами. Загорелая ножка то и дело игриво выглядывала из-под подола платья,

изящные руки извивались в затейливых движениях, на щеках горел яркий румянец. Девушка улыбнулась, обнажив ровные белые зубы. Губы её были похожи на только что распустившийся бутон, обещающий неземные наслаждения тому, кто покорит сердце красавицы.

Каждый изгиб её стройной фигурки, каждое движение длинных ресниц и взмах юбок заставляли его тело трепетать от неистового желания обладать ею. Но до этого вечера красавица лишь дразнила его, всё сильнее разжигая томивший его изнутри огонь, но не подпуская к себе слишком близко. Он осыпал её цветами и драгоценностями, следовал за ней повсюду, как верный пёс. Что ещё она от него хочет? Когда же, ну когда же она наконец сдастся и подарит ему свою любовь?

Наконец танец кончился, раздались громкие аплодисменты, и Эроссита скрылась за кулисами. Адамис как всегда последовал за ней, надеясь, что на этот раз она позволит ему войти в своё святилище. Как ни странно, она действительно впустила его в свою маленькую гримёрную, всю заваленную нарядами, украшениями и цветами, и предложила сесть на кушетку. Не успел он опомниться, как она взлетела к нему на колени и начала медленно расстёгивать пуговицы на его рубашке. Длинные иссиня-чёрные волосы щекотали его обнажившуюся грудь, доводя его буквально до неистовства. Он застонал и попытался опрокинуть девушку на кушетку. Но Эроссита не спешила так быстро завершать любовную игру. Она легко вырвалась из его объятий и быстро зашептала:

– Скажи, что ты любишь меня, Адамис!

– Я люблю тебя больше жизни, Эроссита, разве ты не знаешь? – с жаром воскликнул он.

– Поклянись мне в вечной любви, Адамис, поклянись, что я буду для тебя единственной женщиной на свете!

В этот момент словно холодная иголочка коснулась его сердца, зовя Адамиса пробудиться и вспомнить о чём-то важном. Но через мгновение страсть с новой силой разгорелась в его душе, и в её огне сгорели всё его благоразумие и трезвость. Адамис готов был произнести любые клятвы, лишь бы немедленно получить желаемое.

– Я клянусь, что буду вечно любить только тебя, Эроссита, и никогда не буду с другой женщиной! – сказал он.

Как только эти слова были произнесены, девушка удовлетворённо кивнула и начала расстёгивать своё длинное красное платье.

* * *

Адамис лежал на поляне, часто и прерывисто дыша. Перед глазами стояла обнажённая Эроссита, раскинувшаяся на кушетке в пропахшей духами гримёрке.

Как только он полностью пришёл в себя и вспомнил всё, что с ним произошло, его окатило ледяной волной ужаса и отчаяния. Что же он наделал? Как теперь жить, зная, что предал любимую? Как искупить перед ней свою вину?

Адамис вскочил как ошпаренный и почти бегом кинулся искать Иветту, чтобы на коленях вымаливать у неё прощения. Он должен, он просто обязан всё ей рассказать. Конечно, она поймёт и простит его, ведь на самом деле он любит лишь её одну! Он докажет ей свою любовь, чего бы это ему ни стоило!

Когда он нашёл её, Иветта мирно спала под деревом. Адамис встал рядом, любуясь её прекрасным лицом, таким милым и родным. Как могла какая-то другая женщина хоть на миг завладеть его сердцем? Но тут он заметил, что платье Иветты слегка задралось, почти до самого бедра обнажив стройную ножку. Ножка эта помимо его воли вызвала в памяти игривую ножку Эросситы. Внезапно у Адамиса потемнело в глазах от любовной страсти. Какое-то безумие охватило его – он, сам до конца не понимая что делает, накинута на Иветту и стал рвать на

ней одежду. «Эроссита, любовь моя, как же я желаю тебя!» – беззвучно шептали его губы, пока руки ласкали нагое тело Иветты.

Проснувшись Иветта не сопротивлялась, а лишь молча смотрела на Адамиса своими большими печальными глазами. Ей казалось, что это какой-то дурной сон, что всё происходит не с ней, а с кем-то другим. Любящий и нежный Адамис просто не мог быть тем неистовым и грубым существом, которое сейчас овладело ею. Неужели она к этому стремилась, этого хотела?

Глава седьмая

Перемены

Адамис с Иветтой предпочли не говорить друг с другом о том, что между ними произошло. Теперь они больше не противились своему желанию и почти каждую ночь предавались телесной любви. Но оба чувствовали, что любовь их незаконна – она не приносила им радости и удовлетворения, а отдавала горечью и стыдом. Яд медленно распространяется в их душах, всё больше отравляя их, и они не в силах были остановить его действие.

Иветта подозревала, что с Адамисом произошло что-то нехорошее, но расспрашивать его не хотела. Возможно, она просто боялась услышать правду. В мечтах она всё чаще представляла себя с изысканным и внимательным Аполлоном, но так и не решилась попросить Горца о ещё одной встрече с юношей.

Однажды Иветта случайно произнесла имя Аполлона во сне, и Адамиса кольнуло острое чувство ревности – неужели Иветта была с другим мужчиной? А почему бы и нет, ведь он сам не сохранил ей верность! Эта мысль терзала его и не давала покоя, но как быть дальше, он не знал, и всё оставалось по-прежнему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.